

САРАНЧА

Юлия Латынина

Сазан

Юлия Латынина

Саранча

«ЭКСМО»

2000

Латынина Ю. Л.

Саранча / Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 2000 — (Сазан)

Валерий Нестеренко, крупный московский авторитет, расследует убийство друга – главного технолога не большого, но очень прибыльного предприятия, на которое претендовали и губернатор, и продажный глава облУВД, и зарубежная фармацевтическая компания.

© Латынина Ю. Л., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юлия Латынина

Саранча

Оставшееся от гусеницы ела саранча, оставшееся от саранчи ели черви, а оставшееся от червей доели жуки
Июль, 1,4

Глава 1

В один зимний февральский день 199... года хорошо одетый молодой человек пил чай в фешенебельном отеле «Рэдисон-Славянская», что неподалеку от Киевского вокзала города Москвы.

Гостиница начиналась широким и длинным коридором, который уводил посетителя все дальше, мимо дорогих бутиков и ресторанов к лестнице на второй этаж, где размещались залы для всяческих конференций и собраний. Вот и сейчас в гостинице проходило какое-то международное сборище: коридор был уставлен черными пластмассовыми указателями, в которых были вдеты белые бумажки с надписью: «На конференцию», а внимательный глаз при входе мог видеть черную доску с названиями залов, на которой вставными буквами была обустроена английская надпись: «4-th Annual Biochemistry Conference», и адрес: Composer's Hall.

Слева от коридора, у самого входа, начиналось уютное фойе, где можно было посидеть в кресле, побеседовать и выпить чашечку кофе. Собственно, именно разговором и занимался молодой человек. Его собеседник был постарше его и куда агрессивней: он встряхивал во время беседы головой, то и дело щелкал пальцами, и руки его с неожиданной и пугающей пластикой летали над столиком, как смычок скрипача – над покорным ему инструментом.

Молодой человек, казалось, был значительно спокойней. Он сидел абсолютно неподвижно, ни разу не переменяв позы и лениво откинувшись в кресле. Белоснежные рукава дорогой рубашки, выступавшие на несколько сантиметров из-под безукоризненно пошитого пиджака, были сколоты золотыми запонками. Тонкие, сильные пальцы с коротко подстриженными ногтями совершенно неподвижно лежали на столе, не суетились и не перебирали тут же лежавших бумаг, не отстукивали нервного танца по полированной поверхности.

– Кто? Я? – вскричал второй, пожилой, чуть привстав с места. – Мля буду, не делал я этого! Да тому, кто такую мульку пустил, яйца повывдирать мало!

Охрана в начале фойе насторожилась. Молодой человек что-то коротко и негромко сказал в ответ.

Невнимательный наблюдатель (а охрана «Рэдисона», безусловно, к таковым не относилась) мог бы решить, что собеседников только двое. Внимательный же глаз непременно заметил бы четырех человек, расположившихся по квадратно-гнездовой схеме за соседними столиками. Все четверо были очень похожи друг на друга: матерые субъекты с метровыми плечами, на которых, казалось, трещали хорошо пошитые пиджаки. Двое гоблинов, очевидно, страховали пожилого, а еще двое – молодого.

Беседа продолжалась минут десять. Пожилой потихоньку успокаивался, молодой все так же улыбался. Наконец они, видимо, о чем-то договорились, молодой встал, протягивая пожилому руку. Тот с размаху хлопнул его по плечу

– Лады, Сазан! Приятно с тобой иметь дело, не то что отморозки эти...

Пожилой стремительно повернулся, кивнул двум шкафам, и вся троица быстро покинула фойе.

– Договорились? – почтительно спросил Сазана один из его спутников.

– Да, – ответил тот. Улыбнулся и добавил:

– Вот так на ровном месте стрельба начинается. Потому что людям лень взять трубку и перетереть не с чужих слов...

Двое его спутников торопливо допивали кофе, к которому так и не притронулись во время беседы, и поглощали высокий заграничный пирог, покрытый взбитыми, как юбка невесты, сливками. Молодой человек, которого называли Сазаном, вышел в просторный коридор и неторопливо оглядывался, видимо, в поисках туалета.

В эту секунду в дальнем конце коридора показался еще один посетитель гостиницы. Наиболее примечательной деталью его внешности были темные взъерошенные волосы. Волосы были чрезмерно длинны и, будучи курчавыми и непричесанными, не спускались чинно вниз, а торчали неприбранными сосульками во все стороны от худого, красными пятнами пошедшего лица. Человек был молод, высок и довольно шупл. Он шел, петляя как-то по-заячьи и непрерывно оглядываясь, и уже раза два или три чудом разминулся с другими гостями отеля.

– Ой, извините!

Щуплый паренек, нехстати обернувшись через плечо и поспешая притом вперед, налетел на стоящего к нему спиной Сазана. Сазан обернулся мгновенно. В фойе, в пяти метрах, из-за столика вскочили двое бультерьеров, начисто забыв про кофе.

– Игорек? – вдруг удивленно спросил Сазан. Тот некоторое время соображал.

– Валера! – вдруг радостно выпалил он. – Валерка Нестеренко! Ты... ты откуда здесь?

Двое бультерьеров, повинувшись то ли знаку, то ли настроению хозяина, умиротворенно вернулись к своему кофе. Озабоченный своими мыслями, Игорь их, разумеется, не заметил.

– Да так, – сказал Валерий, – встреча у меня здесь. А ты что?

– Да я вот... на конгресс...

– А, ну да! Ты же у нас химиком был... как институт-то, на пятерки закончил?

Игорь внезапно пошел пятнами и еще раз потерянно оглянулся, как будто ожидал, что из недр рэдисоновского коридора сейчас выползет лернейская гидра и заглотает его, как удав яичко.

Игорь был еще довольно молод, моложе Валерия года на четыре. Они росли в одном и том же московском дворе, и Игорь был самым младшим в их компании, будучи принят в нее за необыкновенное разумение. Только Игорь Нетушкин мог знать, какую дрянь залить под школьный паркет на пятом этаже, чтобы под паркетом расплавилась проводка и ненавистные занятия тем самым были сорваны. Именно Игорь Нетушкин предложил ребятам во дворе построить ракету, а когда ракета была изготовлена, приехали угрюмые парни из КГБ, осмотрели изделие и страшно заинтересовались составом топлива. Игоря некоторое время приглашали на Лубянку и довольно тупо расспрашивали о том, кто поделился с ним секретами оборонного значения. Дело могло кончиться довольно плохо, но во время одного из допросов, когда Игорь уже устал отвечать на idiotские вопросы, дверь кабинета отворилась, и в него зашел человек, который представился как генеральный директор НПО «Союз» – главного российского разработчика и производителя твердого топлива.

Как известно, ракетное топливо состоит из собственно горючего и окислителя, и в ракете Игоря эту функцию выполняли соответственно алюминиевая пудра и динитратовая кислота. Как выяснилось, Игорь нашел то же самое техническое решение, что и разработчики топлива для СС-20. Проблема была не в этом. Проблема была в том, что динитратовая кислота, полученная принятым в СССР методом, стоила около 5 тысяч долларов за тонну. При получении методом Игоря она стоила 200 рублей.

История с динитратовой кислотой как-то разочаровала Игоря, и в результате к десятому классу он расстался с химией и увлекся молекулярной биологией.

Когда Валерий пришел из армии, тот как раз поступал на биофак МГУ. Потом Валерий Нестеренко на два года залетел на зону по «хулиганке», а когда он вернулся, Игоря во дворе уже не было – семья переехала из старой московской коммуналки в какое-то неведомое Беляево.

– А ну пошли, – сказал Валерий, радушным жестом показывая Игорю на одно из кресел в фойе.

Случайно или намеренно, но они уселись довольно близко от двух спутников Валерия. К ним тут же подошла официанточка с меню.

– Что будешь? – спросил Валерий.

Игорь испуганно помотал головой: ничего, мол. Его слишком тощая шея по-цыплячьки вытягивалась из короткого воротничка рубашки. Рубашка была застирана и кое-где обесцвечена до крахмальной белизны попавшими на нее реагентами.

– Два кофе, – распорядился Валерий. – Как живешь, Игорек?

– Да вот... ничего живу... Работу мою хвалят... в США пригласили... десять тысяч долларов в месяц для начала, представляешь?

– Ну так езжай, – сказал Валерий.

Игорь нервно сглотнул.

– Своя лаборатория, как тебе, а? Господи, это...

Игорь замолчал и по-страусиному сунул голову в сцепленные руки.

– Тебе что-то мешает уехать, да?

Игорь внезапно вскочил.

– Из-звини... я должен идти...

– Сядь! – голос Нестеренко был неожиданно жесток и холоден, как броневой лист. Его старый знакомец поспешно сел.

– У тебя неприятности, да? Ты работал на оборонку и теперь не можешь поехать в США?

– Ах, да какая там оборонка, она ко второму курсу давно развалилась...

Игорь вдруг нервно и обреченно засмеялся.

– Игорек! Вот ты где! А мы тебя ищем, ищем...

Сазан и Игорь оглянулись одновременно: первый быстрым и плавным движением, напоминающим разворот кобры, второй – словно школьник, застигнутый в ванной за срамным делом. К их столу подплывали двое – вальяжный пятидесятилетний господин в серой тройке, слегка раздувшийся от любви к жирному и сладкому, и другой – в чесучовом костюме, высокий, подтянутый и улыбающийся. Радушная улыбка на лице была как рекламный проспект, гласящий: «Смотрите, я – гражданин США».

– Д... да я... – промямлил Игорь, – вы лучше познакомьтесь – Санычев Демьян Михайлович, наш генеральный директор. А это Валера Нестеренко, мы в одном дворе жили, он теперь... э...э...

Игорь только тут вспомнил, что совсем не полюбопытствовал, чем теперь занимается его старый знакомый.

– Бизнесмен, – сказал Валерий любезно и потряс руку Демьяну Михайловичу. Ему показалось, будто он пожал стопку вымоченных в воде салфеток.

– С химией не связаны? – немедленно спросил Демьян Михайлович. – Лекарствами не торгуете? А то смотрите, у нас замечательные лекарства, феноцистин в стране производим только мы.

Если бы Валерий хоть отдаленно представлял себе, что это такое – феноцистин и от чего он пользует – от сердца или от живота, было бы совсем хорошо.

– Вы – это кто?

– Тарский химико-фармацевтический комбинат. Тарская область, натурально.

– Ты что, из Москвы уехал? – удивленно спросил Нестеренко.

– Да что он в Москве потерял? – преувеличенно бодро вскричал директор. – Он у нас умница! Главный технолог! Он ученый от бога, Игорек! Он вам из дерьма конфетку любого состава сделает, любого. Я вам говорю, без него бы завод в три счета загнулся. У нас в городе четыре химзавода, понятно? Четыре! Шинный стоит, «Тарскнефтеоргсинтез» стоит, «Тарский азот» стоит, и только мы работаем! А все почему? Вот вы не поверите...

И из директора внезапно, как из неисправного крана, хлынул поток слов. Демьян Михайлович говорил минут десять и говорил бы гораздо дольше, если бы раздосадованный Нестеренко, начисто переставший понимать, о чем идет речь, не спросил:

– А что такое ферментер?

Директор фармзавода смешно вытянул шею, пожевал губами, собираясь что-то сказать, а потом сообразил, что с таким необразованным человеком, который даже не видел ферментера, и говорить-то не о чем. И обиженно замолк.

Иностранец внезапно разразился длинной басурманской фразой. Игорь еще больше побледнел и что-то ответил. Видимо, директор тоже знал английский язык, и то, что сказал иностранец, ему пришлось не по душе. Он подхватил Игоря под руку, дернул на себя, как петрушку из грядки, и заявил:

– Нам пора. Пошли, Игорек, я тебе кое-что объясню.

Валерий встал – и напоролся на умоляющий и отчаянный взгляд своего старого приятеля. Валерий внезапно сунул ему свою карточку – не обычную, дежурную, с телефоном офиса, в котором он никогда не бывал, а белую, маленькую, на которой не было написано ничего, кроме имени и номера сотового телефона.

– Позвони, – сказал Валерий. – Обязательно. Лады?

Игорь кивнул. Демьян Михайлович потащил его прочь – молча, напористо, как трактор тащит зацепившуюся железяку. Улыбчивый иностранец озабоченно глядел им вслед. Потом он повернулся к Валерию.

– Ви есть друг Игорья? – спросил он на механическом русском.

– Да.

– Look, you have to persuade him, как по-русски – убедить, да? Убедить ехать университет! Он не есть инженер. Он есть ученый! Он будет гордость Россия и США! А он уехать на завод дьелать аспириин! Аспириин дьелать во всем мире без Игорь Нетушкин!

– А вы из университета?

– Sorry! – и иностранец тут же извлек из пиджачного кармашка черненькую визитницу.

В этот момент что-то отвлекло его, рука иностранца дрогнула, и визитница упала на пол. Беленькие квадратрики визиток рассыпались по полу «Рэдисона». Валерий нагнулся, чтобы помочь иностранцу поднять визитки, и заметил, что все они на разных языках. Валерию бросились в глаза изящные японские иероглифы, польская и венгерская визитки и какая-то арабская вязь.

На английской визитке значилось:

*Dr. Fritjof Hertzke.
Lanka Gestalt AB.
Member of the Board of Directors.
Head of East European Division.*

*Доктор Фритъоф Герцики.
«Ланка–Геиштальт».
Член совета директоров.
Глава Восточноевропейского представительства.*

И телефоны в Стокгольме и Варшаве.

Стоило полагать, что на остальных было написано то же самое, хотя за арабский вариант Валерий, само собой, ручаться не мог.

Валерий собрал визитки и вручил их шведу.

– Oh so sorry! – сказал тот, копошась в белых квадратиках. – Let me find you a Russian one... We are a multinational company, you see «Ох, простите, дайте я найду вам ту, которая на русском. Мы транснациональная компания, как видите...»...

Визитка, протянутая им в спешке, была на болгарском.

Валерий равнодушно, как того требовал этикет, отдал ему свою визитку, обычную, с именем-отчеством и названием торговой фирмы, председателем совета директоров коей он значился. Транснациональная компания «Ланка-Гештальт» его мало интересовала. Как показывал его опыт, транснациональные компании редко пользовались услугами таких, как Валера Нестеренко.

На сем они и распрощались.

***

Нестеренко был достаточно занятым человеком, и, кроме того, он привык, что когда он кому-то дает свой сотовый телефон и просит позвонить – этот кто-то берет и звонит.

Поэтому до вечера он не предпринимал никаких особых усилий, чтобы разыскать Игоря, а вечером был чей-то день рождения с обязательной обжираловкой и последующим свальным грехом, и, хотя Нестеренко не пил, он проснулся довольно поздно, не то чтобы с трещащей, но с хмурой головой и смутным ощущением недоделанного дела. Потом опять закрутились заботы, и только к вечеру, спохватившись, Валерий набрал номер «Рэдисон-Славянской» и попросил соединить его с Игорем Нетушкиным.

– Извините, господин Нетушкин уехал час назад, – сообщили ему. – Конгресс кончился, и он уехал.

– Он не оставил адреса в Тарске? – спросил Нестеренко.

– Нет.

Валерий положил трубку и тут же поднял ее снова.

– Яшка? Помнишь, где я раньше жил, коммуналку?

– Да.

– У меня во дворе был сосед, Игорь Нетушкин. Он потом переехал куда-то на окраину, а потом – в Тарск. Учился на биофаке. Закончил, кажется, пятилетку в три года... Пробей его адресок в Москве и в Тарске. Комбинат «Заря». Главный технолог он, что ли.

Три телефона Нетушкина – два тарских, рабочий и домашний, и домашний телефон его матери в Москве – принесли Валерию в тот же вечер.

Валерий позвонил в Тарск, но связь оказалась на редкость гнусная. Дело было вечером, Валерий звонил из машины, и ему пришлось дозваниваться минут десять, а когда он дозвонился, то нарвался на автоответчик, который подтвердил, что он дозвонился по номеру такому-то и попросил оставить сообщение.

– Привет, Игорь, – сказал Нестеренко, – это Валера Нестеренко. Помнишь такого? Позвони мне. У меня, кажется, есть покупатель на ваши лекарства.

– Пиип, – равнодушно сказал автоответчик.

На следующий день жизнь вновь понеслась в карьер: фирма, которой Валера ставил «крышу», влетела в крутую запутку, Валера носился, как бешеный, на черном «хаммере» с охраной, орал на директора фирмы, разводил рамсы с бригадой, охранявшей провинившегося барыгу, и, конечно, наглухо забыл про далекий, затерянный в суглинках Нечерноземья

Тарск. У парня проблемы? Ну что ж, в конце концов, это дело Игоря – разыскать человека, который вызвался ему помочь.

Он вспомнил о старом дворовом приятеле только спустя две недели, еще раз позвонил в Тарск, но испорченная междугородняя линия никак не пропускала его. Валерий пожал плечами и набрал телефон его матери, Виктории Львовны. На этот раз трубку сняли довольно быстро.

– Виктория Львовна? – спросил Нестеренко.

– Да.

– Я не знаю, вы меня помните или нет, меня зовут Валера Нестеренко, я в вашем дворе жил, на Староградской. Я еще самым хулиганистым был, безотцовщина, помните?

– Да, я тебя... то есть вас... помню, – голос звучал безжизненно и глухо.

– Я вот почему звоню. Я недавно Игоря встретил, в Москве, на конгрессе, он мне продиктовал свой тарский телефон, а я вроде не правильно записал. Звоню, а там автоответчик, и притом он не говорит, что это квартира Игоря, а просто цифры называет – 328937. Может, я телефон не правильно записал.

– Ты правильно записал, – прошелестело в трубке. – Это его телефон. Был.

– Что значит – был?

– Игоря больше нет. С поза... с позавчера.

– Что с ним случилось? Он не...

– Его убили. Расстреляли прямо на улице.

– Кто? – дико закричал Нестеренко.

Но в трубке уже раздавались одни короткие гудки.

Глава 2

Похороны главного технолога Тарского химико-фармацевтического комбината «Заря» оказались заметным событием в жизни столицы небольшой старорусской области на границе «Золотого кольца».

«Заря» был одним из немногих работающих в городе заводов. Уже второй год он обеспечивал не менее десятой части областного бюджета и исправно платил вполне благопристойные зарплаты, а замдиректора Фархад Гаибов и главный технолог Игорь Нетушкин в прошлом году стали депутатами областного законодательного собрания.

О «Заре» довольно много писали в областных газетах, в том числе и без оплаты со стороны «Зари», и губернатор часто поминал ее добром в своих выступлениях. Правда, в последнее время он перестал это делать: через два месяца в области намечались выборы, и, по слухам, генеральный директор Санычев на этих выборах поддерживал не губернатора, а альтернативного кандидата Борщака.

Процветание «Зари» все единодушно приписывали молодой варяжской команде. Года три назад завод не просто лежал: одно название «Заря» заставляло нервно вздрагивать всю областную администрацию.

Секретный завод номер 128 был создан в рамках программы по разработке советского бактериологического оружия и к 1991 году был закрыт. Все произведенное им тихо вывезли куда-то в Сибирь. К 1992 году с завода куда-то рассосалась охрана, а энергетики вырубил ток, пущенный по верху двух бетонных заборов с контрольно-следовой полосой между ними. После этого обесточенный провод немедленно порезали на части и куда-то уперли. Засим на заводе завелись бандиты, а вслед за проводом с завода широкой рекой хлынули цветные металлы, оборудование, кусочки АСУ и даже цинк с крыши цехов – все, что можно было хоть как-то приспособить в хозяйстве.

К 1997 году завод не платил зарплату уже полтора года, а долги в бюджет перевалили за триллион рублей. Где-то в Москве губернатору представили Демьяна Санычева, тоже, кстати, не москвича, а сибиряка. Вместе с Санычевым был еще один человек, его первый зам, Фархад Гаибов, пятидесятилетний химик-производственник, ас своего дела. Губернатор рискнул и отдал Санычеву и Гаибову завод почти за бесценок. Те вывезли из Москвы третьего человека – молодого Игоря Нетушкина, и это трио, по всеобщему мнению, способствовало самой беспрецедентной истории успеха во всей бедной, загибающейся от бескормицы области. Санычев осуществлял общее финансовое руководство, Нетушкин генерировал потрясающие технологические идеи, Гаибов поверял мечты Нетушкина алгеброй и мотался по России, разыскивая необходимые для их воплощения реактивы и налаживая производственные связи.

Вопреки утверждениям доктора Гертцки, завод не производил аспирина вовсе, да и дешевых традиционных лекарств на нем почти не было. Это было б невыгодно: завод был в значительной степени опытный, предназначенный, скорее, для малых и средних объемов производства, и основной его продукцией очень скоро стали дорогостоящие генно-инженерные препараты, субстанции которых выращивались обычно тут же, через дорогу, в Тарском НИИ Биопрепарат, который, собственно, и был базовым для завода в его бактериологическом прошлом.

НИИ, разумеется, теперь тоже принадлежало заводу, точнее, какой-то зарегистрированной на острове Наури фирме «Фармэкспорт», и все сотрудники, выгнанные из НИИ новыми хозяевами, единодушно возмущались тем, что «Фармэкспорт» заплатил за НИИ стоимость примерно двух стульев и одного факса. Те, кто в НИИ остались, не возмущались, потому что по городу ходили слухи, что реальная их зарплата составляет полторы-две тысячи долларов.

Поэтому тело областного депутата Игоря Нетушкина было выставлено в Доме культуры, чтобы с ним мог попрощаться каждый желающий, и в ДК пришли не меньше пяти тысяч человек, большей частью рабочие «Зари». А когда все попрощались, тарский ОМОН вежливо оттеснил толпу от огороженного прохода, и к гостеприимно раскрытым дверям Дома культуры начали подъезжать один за другим солидные автомобили: директора, депутаты, бизнесмены. Последним приехал губернатор на белой «Волге». Шла предвыборная кампания, и любимый губернаторский «мерседес» в агитационных целях пылился в дальнем углу гаража.

На импровизированной наспех трибуне выступала председатель профкома «Зари». Это была пожилая женщина в немодной кофте и длинной выцветшей юбке. Женщина говорила о том, сколько Игорь Нетушкин сделал за два года для комбината. Она привзвизгивала при каждом слове, а в конце концов взяла платочек и прямо на трибуне заплакала.

Многие усмехнулись, а генеральный директор «Зари» Демьян Саньчев, стоявший по правую руку приехавшей на похороны матери Нетушкина, ободряюще сжал ей руку и сказал: – Господи! Вы посмотрите, как все его любили! И у кого только рука поднялась!

По левую руку Виктории Нетушкиной стоял губернатор области со своим начальником охраны. Губернатор тоже приобнял Викторину Львовну, как бы позируя для снимка, и сказал: – Мы непременно найдем убийц!

А потом почему-то замер и недоуменно повернул голову. И вслед за ним головы повернули все.

По огороженному омовцами проходу к Дому культуры неторопливо катился широкомордый «хаммер», а за ним, как свита мальков за дельфином, – три одинаковых темно-вишневых «лендкрузера» с белозубым оскалом кенгурятников и с московскими номерами. Внедорожники затормозили у белокаменных колонн, двери их синхронно распахнулись, и наружу вышли крепкие ребята в кожаных куртках и с характерной короткой стрижкой. Последний шагнувший из «хаммера» был худощавый тридцатилетний парень со светло-соломенными, слегка рыжеватыми волосами и темными глазами цвета топленого сахара.

Рыжий неторопливо поднялся по ступеням, пересек зал и направился прямо к гробу с телом покойного. В процессе его перемещения по залу произошла следующая примечательная вещь: несмотря на то, что спутники рыжего шли за ним, а не перед ним, пространство впереди новоприбывшего спешно пустело, как автомобильная полоса, по которой движется снегоуборочный грейдер.

– Боже мой, – сказал губернатор, – это что такое? А? Фархад, это что за морда приехала?

Молодой человек, поименованный губернатором «мордой», подошел к гробу, некоторое время смотрел на него, а потом резко шагнул в сторону и оказался лицом к лицу с Саньчевым, губернатором и матерью покойного.

– Вы меня не помните, Демьян Михайлович? – спросил он. – Нас Игорь знакомил месяц назад. В «Рэдисон-Славянской». Я Валера Нестеренко, его старый приятель.

– Да-да, конечно, – сказал Демьян Михайлович, – помню. Вот, познакомьтесь, пожалуйста, мой первый зам, Фархад Гаибов.

Валерий и Гаибов пожали друг другу руки. Гаибов был очень красивый пятидесятилетний таджик-полукровка. Подтянутая фигура, высокий рост, пышные, рано поседевшие волосы и смуглое лицо, с немногочисленными, но глубокими морщинами, делали его похожим на фигурку с восточной миниатюры,

– А это губернатор области, Виктор Гордеевич Жечков. Валерий Нестеренко, э-э...

– Бизнесмен.

Тут возникла маленькая заминка: Валерий радушно протянул руку губернатору – и протянутая рука так и осталась висеть в воздухе. Другой бы на месте Нестеренко немедленно смутился. Валерий только улыбнулся и, не убирая руки, спокойно сказал:

– В чем дело? Забыли вымыть руки, Виктор Гордеич?

– Я не привык пожимать руку... э-э... бизнесменам.

Валерий опустил руку, и некоторое время он и губернатор играли в игру – кто кого переглядит. Первым опустил взгляд губернатор. Гаилов всполохнулся и, чтобы загладить случившуюся паузу, сказал:

– А это Виктория Львовна, она...

– Уж с тетей Викой я знаком, – сказал Нестеренко.

– Ах да, конечно.

Виктория Львовна во все глаза глядела на Валерия. Это была нестарая еще женщина, лет сорока двух, а выглядела она, несмотря на траур, и того моложе. Валерий вспомнил, что когда-то у нее серьезно болели почки и под глазами все время были темные круги, но сейчас, видимо, все было в порядке: круги куда-то исчезли. Правда, вместо них появились морщинки.

– Ты очень вырос, Валера, – сказала Виктория Львовна. – Никогда не ожидала, что ты таким... станешь. Правда, ты всегда был самый главный хулиган.

Разговор, видимо, опять свернул на какую-то скользкую дорожку, и Гаилов, вздохнув, сказал:

– Боже мой. Я просто не знаю, что будет с заводом.

Нестеренко поднял брови:

– А что? Без технолога завод остановится?

– Два года назад, – спокойно пояснил губернатор, – завод «Заря» лежал на боку, как и все остальные химзаводы Тарска. Он не платил зарплаты полтора года, и рабочие кормились только тем, что воровали оборудование или гнали в цехах самогон. Я отдал его вот этим троим – Санычеву, Гаилову и Нетушкину. Теперь это лучшее предприятие в области. Меня, кстати, до сих пор ругают, что я такой прекрасный завод отдал за бесценок. Типа что-то «нарочно разорил», чтобы передать его за взятку москвичам... Но я не жалею, что это сделал. Даже несмотря на то, что Демьян Михайлович с недавних пор, кажется, предпочел бы видеть на моем месте другого губернатора.

В бархатном баритоне губернатора на мгновение почудилась нотка угрозы – почудилась и пропала, как пропадает в ножнах едва выдвинутое лезвие.

– Я думаю, что Игорь Нетушкин был одним из главных архитекторов этого чуда, – продолжал губернатор. – За два года завод освоил производство четырех генно-инженерных препаратов, которые по своим характеристикам опережают западные разработки. Если я не ошибаюсь, «Заря» экспортирует феноцистин – в Чили, гамма-лейкин – в Пакистан и цисплатин – в несколько африканских государств. Кажется, они только что получили от Пакистана лицензию и на феноцистин тоже...

Валерий внезапно сощурился. Тот факт, что губернатор был – хотя бы и в прошлом – ангелом-хранителем завода, почти наверняка означал, что у завода нет криминальной «крыши». Все вне правовые проблемы наверняка по заданию губернатора разрешала местная ментовка или РУОП, хотя хрен его знает, как там эти ребята справлялись в Пакистане: тоже, чай, не самое цивилизованное место для бизнеса. Но в том, что касается России, – местная братва не воспримет появление Валерия Нестеренко как недвусмысленный наезд с целью отобрать чужой кусок.

– Кстати, Валерий Игоревич, вы к нам надолго приехали? – спросил генеральный директор.

– Сколько понадобится.

– А где вы... остановитесь?

– В вашей гостинице, – пожал плечами Нестеренко, – у вас же есть заводская гостиница?

Санычев поперхнулся. Губернатор смотрел на Нестеренко спокойным немигающим взглядом.

– Д-да, конечно, – сказал Санычев. – Я распоряжусь.

Тем временем в зале произошло какое-то движение, микрофон снова ожил, и, обернувшись, Валерий увидел у него того самого шведа, с которым повстречался месяц назад. Доктор Гертцки откашлялся и начал говорить по-английски, переводчица рядом с ним завелась и исправно затарахтела. Переводчица была очень хорошенькая, лет двадцати и тоже одетая в черное.

Доктор Гертцки сказал, что приехал в Тарск, не просто чтобы отдать дань уважения трагически и безвременно погибшему коллеге. Он сказал, что Стокгольмский университет, одним из попечителей которого, в качестве члена совета директоров «Ланка-Гештальт», является доктор Гертцки, в прошлом году стал присуждать небольшую премию за наиболее многообещающие исследования в области молекулярной биологии.

Ему радостно и печально сказать, что эта премия неделю назад была присуждена Игорю Нетушкину за его публикацию в «Cell» о способах воздействия разработанного им препарата этиокрин на кору головного мозга.

Доктор Гертцки немедленно попытался объяснить толпе, в чем заключалась суть открытия Игоря, но так как доктор Гертцки явно владел предметом на профессиональном уровне, то чем старательней доктор вдавался в подробности, тем меньше Валерий понимал, о чем, собственно, базар.

– Игорь Нетушкин был гениальным биохимиком, – сказал в заключение доктор, – он был одним из тех людей, которые изменяют мир, в котором мы живем. Так, как это сделали Пастер или Флеминг. Здесь говорили, что он принес процветание заводу «Заря». Если бы он прожил еще десять лет, он изменил бы наши представления о могуществе мозга человека.

Доктор Гертцки в сопровождении переводчицы прошел через толпу и остановился около матери Нетушкина.

– Это вам, – сказал он, роясь в бывшей при нем сумке и с некоторым смущением доставая белый конверт.

– Что это?

– Это чек. Сорок тысяч долларов. Вы ведь не думаете, что наша премия – это только красивый диплом?

Виктория Львовна всхлипнула и, перегнув конверт, досадливо запихала его в сумочку.

Валерий внезапно отвернулся и отошел от директора. Он чувствовал себя как последняя сволочь. Если бы месяц назад он разыскал Игоря, вместо того чтобы поехать в кабаки и нажраться там на чужом юбилее, он наверняка сумел бы вытрясти из парня всю правду. Он, Валерий, так уж сконструирован, чтобы вытрясать эту самую правду... И теперь Игорь был бы жив, а кто-то другой, очень возможно, схлопотал бы маслину в лобешник... Ну что он, в самом деле, кочевряжился? «Надо будет – так сам позвонит». Это президент мелкого московского банка пугается, если ему звонит Валерий Игоревич, и немедленно отзванивает, чтобы, не дай Бог, не случилась какая непонятка... А кто такой Нестеренко для Игоря? Старый школьный приятель. Ну, бизнесмен в хорошо пошитом костюме. Откуда Игорю знать, что Нестеренко мог бы помочь ему решить его проблемы, какими бы эти проблемы ни были? Откуда Игорю знать, что Нестеренко не привык, чтобы ему не перезванивали сразу же, особенно если он два! – два раза сам просил позвонить...

«Тоже мне, прикатил на четырех джипах, понты гнет, я, мол, да за своего кореша... – угрюмо думал Нестеренко. – То трубку лень было снять, то на четырех джипах приехал...»

В своем странствовании по залу Валерий едва не налетел на невысокого мужчину лет пятидесяти, не то чтоб толстого и не то чтоб тонкого, той наружности, которая в России со времен Чичикова стала почти эталоном для чиновников.

– Валерий Игоревич? Вы, насколько я понял, старый друг Игоря?

Валерий хмуро смотрел на представительного мужчину.

– Да.

Тот, улыбаясь, протянул руку.

– Афанасий Иванович. Борщак. Бывший начальник облздрави. Кандидат в губернаторы.

Видимо, в отличие от действующего губернатора, кандидат не боялся пожимать руку бизнесменам о четырех джипах. Валерий и Борщак вежливо раскланялись, и Борщак сказал:

– Какой чудовищный удар... Молодой, талантливый... Я просто... Господи, я просто боялся сегодня выйти на улицу!

– Вы-то отчего? – спросил Сазан.

– Я рассматриваю это убийство как политическое убийство, направленное против меня и моих сторонников, – хорошо поставленным голосом сказал Борщак. – Ни для кого не секрет, что руководство завода «Заря» не поддерживало нынешнего губернатора в его опасной, волюнтаристской политике. Сейчас предвыборная борьба – это, увы, борьба денег, молодой человек, а денег у завода «Заря» было едва ли не больше всех в области. И не секрет, что деньги эти появились только благодаря таланту и фантазии Игоря Витальевича... Нет, я ничего плохого не хочу сказать о других руководителях завода, но именно Игорь Витальевич в этом трио был той божьей искрой, от которой все загоралось. Понимаете, на место Демьяна можно подыскать толкового и честного финансиста. На место Фархада – умелого производственника и снабженца. Но на должность гениального ученого никого нельзя подыскать. Эта смерть означает тяжелейшие финансовые проблемы для завода. Вы понимаете, о чем я? Это чисто русское убийство, когда фарфоровой вазой забивают гвозди, а гениального биофизика убивают затем, чтобы во главе области мог остаться продажный, коррумпированный, самоуверенный хам!

Борщак говорил энергично и напористо, будто был на митинге, а не на похоронах, и вокруг собралось довольно много народу. В их числе Валерий заметил пожилого мужчину, чьи крепкие, самую малость тучные бока были лихо схвачены милицейской формой с полковничьими звездочками. Мужчина не столько внимательно слушал кандидата в губернаторы, сколько разглядывал его собеседника. Появившийся сбоку Фархад Гаиров наклонился к уху Валерия и шепнул:

– Григорий Молодарчук, и.о. начальника областного УВД. А тот, который справа, – облпрокурор.

– Надолго к нам, Валерий Игоревич? – спросил начальник областной ментовки.

– Как получится, – сказал Нестеренко. Помолчал и прибавил:

– У вас уже есть какие-нибудь наметки, кто это сделал?

Молодарчук развел руками.

– Это большая потеря для области, очень большая, – вздохнул полковник. – Мы проделали огромную работу, но раскрывать некоторые наши профессиональные секреты... преждевременно. Заказное убийство, к тому же, как вы прекрасно знаете, – это самое труднораскрываемое преступление...

Молодарчук любил будить сочувствие в слушателях. Слова «как вам прекрасно известно», «как вы понимаете» и тому подобные употреблялись им часто и не к месту. Бравый начальник ментовки даже не обратил внимания, что в разговоре с его нынешним собеседником они звучали несколько двусмысленно.

– Впрочем... – начальник милиции сделал приличествующую случаю паузу, – я должен сказать, что не стоит сбрасывать со счетов слухи о том, что успешная деятельность «Зари» была поперек горла некоторым западным ее конкурентам. Не секрет, что большую часть своей продукции «Заря» экспортировала за рубеж, составляя реальную конкуренцию немецким и американским капиталистам, а методы их по устранению соперников общеизвестны и жестоки. Я бы советовал присмотреться – очень внимательно присмотреться! – к этому представителю зарубежного концерна, который только что произнес такую горячую речь о научных достижениях Игоря Нетушкина.

"Интересно, что значит «советовал присмотреться»? – раздраженно подумал Сазан. – Кому советовал? Милицейскому начальству? Так ты и есть милицейское начальство, козел певучий...

– Хорошо известно, – продолжал Молодарчук, – что западные компании предлагали Игорю огромные, просто сумасшедшие деньги, чтобы работать на них против нашей родины. Но Игорь был патриотом. Он на это не пошел. И все эти предложения о якобы научной работе на самом деле скрывали за собой желание западных спецслужб заполучить в свои руки талантливого русского биохимика И когда они поняли, что у них ничего не выйдет, они могли решиться на более жесткие методы...

– А как его застрелили? – перебил Нестеренко поток начальственного красноречия.

– А?

– Я имею в виду техническую сторону. Сколько человек, откуда стреляли, какое оружие использовалось?

Полковник обиженно пожал плечами.

– Да это вроде в газетах было... – сказал он.

– Ну так вы, надеюсь, об этом не из газет узнали? – резонно спросил Нестеренко. – Вы же были на месте происшествия? – добавил он, хорошо зная привычку высокопоставленного начальства затаптывать все на месте громкого убийства

– Это было около двух ночи. Он возвращался домой, с завода. Заводское начальство уходит гораздо раньше, к четырем-пяти, но у Игоря на заводе была лаборатория, он в ней иногда сидел допоздна. В час он позвонил охраннику, охранник вызвал шофера, шофер повез его домой. Игорь жил около города, в Белой Роще, это что-то вроде деревни. Он довез его до калитки, развернулся и уехал.

Часа в три ночи Яна, это девушка Игоря, вышла из дома и увидела, что он лежит у входной двери, с ключами в руках. Стреляли дважды: один раз из снайперки шагов с тридцати, другой выстрел контрольный, из «ТТ». Оба смертельные. Выстрелов никто не слышал, видимо, все оружие было с глушителем.

– Не много вы выяснили, – сказал Валерий.

– Мы обязательно найдем его убийцу, – заявил начальник милиции.

Валерий саркастически улыбнулся.

– Что, Валерий Игоревич, вы сомневаетесь в этом? – спросил кандидат в губернаторы Борщак. Нестеренко внимательно оглядел окружавших их людей.

– Я бы предпочел другую формулировку, – сказал московский «бизнесмен». – Убийца Игоря будет найден.

В Доме культуры было довольно тепло, но на всех присутствующих словно пахло могильным холодом.

***

Церемония прощания продолжалась еще долго. Покойника наконец накрыли крышкой, и гроб к автобусу очень торжественно снесли четыре человека: генеральный директор «Зари» со своим первым замом, областной прокурор и мокроусый, худощавый заместитель гендиректора НИИ «Биопрепарат».

Автобус был обыкновенный похоронный «пазик», только отмытый по торжественному случаю добела, и он странно контрастировал с кавалькадой представительских машин, которая поплелась вслед за ним до кладбищенской церкви.

После двухчасовой службы толпа существенно поредела и на кладбище уже не превышала сорока человек. Несмотря на весеннюю пору, дул резкий, пронизывающий ветер, небо было заткано тучами, как чердак – паутиной.

Гроб опустили в могилу и забросали венками, причем из черного «хаммера» был извлечен подобающе роскошный венок с надписью: «Игорю от Валерия. На вечную память». Стриженный пацан вместе с Валерием отнес его к могиле и вернулся в машину, а Валерий, постояв у могилы, подошел к шведскому империалисту доктору Гертцки, на шпионскую сущность которого так прозрачно намекнул начальник областной милиции. Гертцки стоял у самой ограды и казался внезапно постаревшим и маленьким, словно съжившимся от боли. Переводчица по-прежнему стояла рядом с ним, вцепившись в рукав, и плакала. Впрочем, Валерий больше не думал, что это переводчица. Он видел, как в церкви она подходила к гробу и как целовалась с Викторией Львовной.

При виде Валерия швед растроганно поднял голову и что-то сказал по-английски. Девушка перевела:

– Спасибо вам за венок. Он очень большой.

Помолчал и добавил:

– Я вам звонил несколько раз, но, к сожалению, вас не было в офисе. Я очень хотел, чтобы вы поговорили с Игорем. Вы, кажется, его старый друг, и вы могли бы уговорить его уехать. Если бы он уехал три месяца назад, он был бы жив.

Кажется, среди всех присутствующих только доктор Гертцки не догадывался об истинной профессии человека, приехавшего на похороны на четырех джипах. Еще бы иностранный лох дозвонился до Валерия в офисе! Секретарша там была просто обучена отвечать на такие звонки словами: «Его нет» – и тут же выкидывать бумажку с именем звонившего в мусорную корзину, потому что никто нужный Валерию по офисному телефону позвонить не мог...

– А почему он не хотел уезжать? – спросил Валерий.

– Не знаю. Это для меня загадка. Он прекрасно говорил по-английски, с этой стороны у него никакой проблемы бы не было. Он получил бы в свое распоряжение огромную лабораторию, он мог бы делать что угодно...

– Но он и здесь мог делать что угодно, – возразил Сазан, – все говорят, что завод процветал благодаря его усовершенствованиям...

– Усовершенствованиям! – презрительно сказал доктор. – Именно что усовершенствованиям, а не открытиям! Игорь был ученый, талантливый, гениальный ученый, а не технарь. Употреблять Игоря здесь, на заводе, – это все равно что Леонардо да Винчи заставить расписывать консервные этикетки. Конечно, можно совершенно искренне сказать, что этикетка была расписана превосходно. Но его предназначение – не стать генеральным директором, а получить Нобелевскую премию...

Нестеренко вдруг сообразил, что этот пожилой и немножко нелепый человек, несмотря на должность в международном концерне, сам, наверное, является далеко не последним ученым и среди людей понимающих наверняка пользуется почетом и уважением.

– А у вас есть Нобелевская премия? – внезапно спросил Нестеренко...

– Нет. Сказать по правде – одна моя работа, разумеется, я один из авторов... В свое время я сделал ошибку. Я принял предложение возглавить отдел в «Ланка-Гештальт». Мне просто надоел университетский мир, бесконечные поиски грантов, интриги на пустом месте... Вы знаете, университетская наука – это ужасная вещь. Она противостоит новым открытиям. Даже человек с моим именем, если он пишет заявку на грант, должен написать, что будет делать все то же самое, что и до него, но только на полшажка впереди коллеги. А настоящее открытие – это не шагок вперед, это прыжок через пропасть.

Гертцки помолчал.

– Мне предложили совершенно невиданные для университетского ученого деньги, обещали свободу... Но фармацевтическая компания – это тоже клетка, только другого рода. Там ты можешь прийти к президенту и объяснить ему идею, и он сразу все поймет, а потом спросит: «А сколько мы на этом заработаем?» В университетах боятся гениальных идей, а в компаниях ими не интересуются, если на них нельзя заработать. Игорю, как ни странно это звучит в вашей нищей России, повезло. У него были свои деньги и фактически свой институт, приватизированный, как я понимаю, за копейки. Он мне рассказывал, что платил из своих денег по триста долларов лаборантам, которые квалификацией не уступают докторам наук...

– Ничего не понимаю, – покачал головой Валерий, – то здесь Игорю была лафа, то он расписывал этикетки. И зачем ему в американский университет, если там все так ужасно?

– Игорь пробил барьер этой публикацией. Завтра все ведущие лаборатории кинутся повторять опыты Нетушкина. После нашей премии очередь бы выстроилась, чтобы дать ему гранты...

– А что он сделал-то? Лекарство?

Гертцки, который половину своей речи посвятил открытию Нетушкина, страдальчески выгнул брови.

– Если этиокрин и лекарство, то исключительно от глупости, – сухо сказал швед.

– Не понял.

– А если бы принимали этиокрин, то поняли бы. Фактически Игорь был на пути к созданию препаратов, которые... которые даже обыкновенного человека могут сделать очень талантливым. Заставить его смотреть на мир под другим углом.

Доктор Гертцки помолчал.

– Когда я познакомился с работами Игоря, я был просто поражен. Я был счастлив, когда он согласился с предложениями Далласского центра. И вдруг, через два дня – эта ужасная смерть... Это чудовищно, когда таких людей убивают в вашей России. Вы меня простите, Валерий, вы бизнесмен, но я еще понимаю, когда убивают таких, как вы, бизнесменов. Или каких-нибудь боссов мафии. Но это просто нечестно, когда убивают человека, который мог стать новым Пастером. Это... это как...

Доктор запнулся, подыскивая сравнение, и вместе с ним замолчала переводчица.

– Фарфоровой вазой забивать гвозди, – предложил Валерий использованное недавно Борщакком сравнение.

– Да-да. У вас ужасная страна.

– Я правильно понял, – уточнил Валерий, – что Игорь был убит через два дня после того, как согласился уехать из России?

– Да.

– Вам не кажется, что одно могло быть следствием другого?

Швед попытался скрыть замешательство.

– Каким образом?

– Ну, например, у Игоря могли быть какие-нибудь ценные разработки, которые принесли бы заводу большую прибыль. Директор мог считать, что Игорь увезет разработки с собой, передаст их конкурентам...

– Бросьте. Вы не понимаете разницы между наукой и производством. Ученого интересует, что надо добавить к А и В, чтобы получилось С. А производственника интересует, сколько стоит С, сколько стоит его хранение и сколько надо доплачивать за вредность людям, работающим с А и В... То, что Игорь делал на заводе, университет мало интересовало. Нашу компанию – да. «Ланка» предлагала ему очень большие деньги. Раз в пять больше тех, что дает университет. Он даже не рассматривал эти варианты. Он занимался на «Заре» делом, которое ему было глубоко противно, потому что каждому художнику противно расписывать этикетки для водочных бутылок...

К беседующим легким шагом подошли генеральный директор Санычев и губернатор с начальником охраны.

– Яночка, Виктория Львовна, – обратился он к дамам, – пора ехать. Так сказать, на поминки.

Санычев галантно подал ручку молодой девушке. Та нерешительно на нее оперлась, а потом вдруг внезапно как-то сломалась пополам, словно перерубленный комбайном стебелек пшеницы. Санычев подхватил ее, и она зарыдала, уткнувшись директору в плечо.

– Демьян Михайлович, – проговорила она между слез, – простите, Демьян Михайлович, миленький, я не могу... Я... я лучше... я лучше домой поеду.

Губернатор завертел головой, щелкнул пальцами, подзывая своего водителя.

– Я отвезу Яну, – сказал Валерий.

***

Валерий уже не заметил, как за его спиной доктор Гертцки, поколебавшись, подошел к заместителю гендиректора Фархаду Гаибову и сказал по-английски, напряженно улыбаясь в землю:

– Мне, конечно, неприятно говорить об этом в такой момент, но наше предложение остается в силе, господин Гаибов.

Фархад Гафурович Гаибов, пятидесятилетний выпускник Свердловского государственного университета, большую часть жизни проработавший на секретном предприятии в Челябинской области, проявил хорошее знание английских идиом. Фархад Гаибов сказал:

– Go fuck your hoop «Да пошел ты...».

***

Спустя несколько минут Валерий и Яна ехали по широкой автостраде прочь от города. Девушка забилась куда-то в угол на заднем сиденье тесного джипа, но уже не всхлипывала, сидела молча и время от времени говорила:

– Теперь налево. Теперь направо.

Один раз она забыла сказать «налево», и Валерий заехал куда-то не туда. Валерий молчал, раздумывая, как бы начать разговор. С девушкой в таком состоянии говорить сложно, выкнешь что не так – не ответит и потом отвечать не будет всю оставшуюся жизнь... Они уже выехали на загородную дорогу, когда Яна, шевельнувшись на заднем сиденье, вдруг спросила сама:

– Зачем вы приехали?

Валерий помолчал. Потом аккуратно свернул на обочину, остановился и заглушил двигатель. Небо над дорогой сочилось мелким весенним дождем, по обе стороны трассы тянулись глинистые поля с пролежнями снега и зеленой шерсткой озимых. Чуть впереди, перечеркивая дорогу, к горизонту уходила высоковольтная линия и тихо, но настойчиво гудела из-за мокрой погоды.

– Мы росли в одном дворе, – сказал Валерий, – я вообще-то его старше лет на пять, но мы были в одной компании. Это редко бывает, чтобы разногодки так сходились, но Игорек уж больно умный был. Умных, знаешь ли, не всегда не любят... Виктория Львовна меня терпеть не могла. Я, мол, шпана дворовая, а ее Игорек золотую медаль получит. Я его месяц назад

встретил. У него вид был, как у покойника. Я его попросил позвонить, карточку свою дал. Он не позвонил.

– Вы сами звонили, – сказала Яна.

– Откуда ты знаешь?

– Я автоответчик слушала. Я всегда автоответчик слушаю и ему подаю список звонков.

– И что он сказал?

– Ничего. Я его спросила, кто такой Нестеренко, а он ответил: «Друг детства. Надо же. Я думал, он где-нибудь на зоне сгинет, а он вот бизнес крутит. Купи-продай».

Валера помолчал.

– Ты понимаешь, чем я занимаюсь? – спросил он.

– Да. Вы это очень картинно дали понять. Я бандитов не так часто видела, и то зарас догадалась.

– А он, на фиг, не понял, – с непонятым ожесточением сказал Нестеренко – Он вообще ничего не соображал, кроме своих генов. Понимаешь, если бы он мне позвонил, он бы был жив. Если бы я в этот ваш городишко неделю назад приехал, он бы был жив. Любой дурак в России должен понять, что это значит – если твой друг детства дает тебе карточку, на которой только его имя и сотовый телефон, а за другом детства лыбятся два бритых бугая! Но не Игорь... А я, в натуре, обиделся. Раз не звонит – значит, нет у него таких проблем...

Сазан помолчал и спросил:

– Он действительно собрался уезжать в Штаты?

– Да, – прошелестело сзади. – Это... это я во всем виновата. Я его просила уехать. Если бы он не сказал, что поедет, то и...

Слова на заднем сиденье пресеклись, и вместо них до Валерия опять донеслось рыданье. Сазан вышел из машины, обошел капот и сел на заднее сиденье.

– Ну тише, тише, – проговорил Сазан, отечески обнимая рыдающую девушку, – поплакали, и хватит.

Бандит чувствовал себя изрядно не в своей тарелке. С рыдающими девушками он не умел обращаться. Вот с мужиками, которые наставили на тебя ствол – это пожалуйста. Тут он знал, что и как делать. А с плачущими вдовами – извините... мне бы чего попроще. Парня с черным поясом и нунчаками.

Яна опять понемногу успокоилась и уже не билась о Валерия, а только время от времени вздыхала. Она ужасно напоминала карпа, выброшенного из воды, который сначала колотился-колотился хвостом по кухонному столику, а потом притих и заснул.

– А почему ты думаешь, что это связано – то, что он решил уехать, и стрельба? – тихо спросил Сазан.

– Не знаю. Я так чувствую.

«Я так чувствую». Что ж. Чувства надо уважать. Женская интуиция, говорят, большая вещь, хотя Нестеренко как-то не выпало до сих пор случая убедиться, чем это женская интуиция отличается от мужской.

– Как Санычев и Гайбов отнеслись к тому, что Игорь уедет?

– Как-как... На уши встали. Целыми днями ор стоял. «Ты не жалеешь Россию», «Без тебя завод станет», «Как ты можешь предавать Родину» и так далее, и так далее. Сами ему копейки платят, а туда же, о Родине.

– А они могли его... ну, ты понимаешь?

Яна вздрогнула.

– Зачем? Если бы он уехал, он бы еще, может, вернулся. А сейчас... Оттого, что его убить, он ведь на завод не вернется, а?

– А какие-нибудь секреты?

– Да кому в Америке нужны эти секреты, как на оборудовании девятьсот седьмого года рождения аспиринов выпускать не хуже «Байера»!

Яна помолчала, потом прибавила:

– Демьян Михайлыч – он хороший человек. Если он тут разорвался, так ведь не для себя же, а для завода. Он такого не сделает. Никогда.

– А о том, что Игорь уезжает, кто-нибудь, кроме близких ему людей, знал?

– Нет. То есть знали, что приглашают, но он же все время отказывался.

– А отчего он такой грустный ходил?

– Да вот от этого самого. Они же его на части рвали. Приходит Гертцки: «Игорь, вы гениальный биохимик, вам надо свою лабораторию, тыр, пыр...» Потом приходит Демьян Михайлыч: «Да как ты можешь! Да мы ж тебя из грязи вытащили! У нас ни копейки не было, завод на боку лежал, а мы твоей матери операцию в Швейцарии сделали, я деньги черти где для этого занимал...» А потом, это же его ужасно дергало. У него же институт при заводе, лаборатория, он в ней днями пропадал. Он сидит себе, над микроскопом медитирует, а к нему какой-нибудь начальник цеха грязными сапожищами: «Витальич! А как бы нам левой ногой да через правое ухо...»

Мимо в сторону области проехало несколько машин. Водители, видимо, удивленными глазами проводили «хаммер» с московскими номерами, открыто выставившийся на обочине, и две фигуры – мужскую и женскую – на заднем сиденье. В воздухе быстро смеркалось.

– Кстати, – спросил Валерий, – а где ты еще бандитов видела?

Яна помолчала.

– Можно не отвечать?

– Нельзя. Если это связано с Игорем.

– Где-то месяц назад. Как раз перед тем, как Игорь в Москву поехал. Я пошла в магазин, возвращаюсь, а перед калиткой стоит тоже внедорожник, только такой, чуть покороче, и зеленый. Выходят две ряшки, одна берет меня за руки, а другая так басом говорит: «Ты передай своему Игорю, что он нам по жизни должен».

– И дальше?

– А дальше ничего. Оборвали юбку и так домой и пустили.

– А Игорь?

– Он очень возмутился. Санычеву звонил, кричал, начальник заводской охраны тут же явился, фотографии мне показывал...

– Узнала фотографии?

– Да. Да Демьян Михайлович и без фотографий вроде все знал.

– А ты спрашивала Игоря, кто это такие? Он ответил?

– Да ничего он не ответил. Сказал как-то зло, мол, есть козлы, которые у завода чего-то хотят и сами не знают, на что нарываються. Так и сказал «козлы». Я от него это слово первый раз слышала.

Сазан помолчал.

– Ладно. Поехали домой.

Дом Игоря был очень недалеко за городом и выглядел вполне прилично: старый бревенчатый дом, выстроенный где-то в семидесятых, и к нему – светлая новая пристройка. Не трехэтажные хоромы, которые полагается иметь руководителю предприятия, но для двадцатишестилетнего парня вполне прилично. Перед домом стояла новенькая темно-вишневая «вольво», в доме – отопление и канализация, что еще нужно для спокойной жизни?

Из-за оттепели дорожка к дому превратилась в длинную лужу с ледяным дном, Яна поскользнулась, выходя из машины, и Валерий подхватил ее на руки. Она была шуплая и легкая, и Валерию показалось, что даже сквозь толстое зимнее пальто он чувствует жар ее тела.

В доме Валерий помог ей снять пальто и стащил с ног мокрые сапоги. Ступни у Яны были холодные и узенькие, в темных нейлоновых чулках. Валерий неосторожно сдернул петлю на чулке, и сквозь разошедшийся шов выглянул белый с бледным ноготком пальчик.

Яна, смутившись, подогнула ножки под себя. Валерий принес плед и укутал девушку.

– Слушай, тут какая-нибудь соседка есть? – спросил Нестеренко. – Ну которая в доме убирается или к вам ходит.

– Есть. Баба Даша. Это напротив. Извините, вы мне водки не достанете? Там, на верху шкафа.

Бутылка, стоявшая на верху шкафа, была наполовину пустая и вся заросшая паутиной. Сазан отыскал в шкафу два стакана, обтер бутылку рукавом и набулькал в оба стакана поровну, но понемногу. Из своего он не стал пить и поставил стакан обратно, да и Яна выпила чуть-чуть: глотнула, закашлялась.

В кухне Валерий отыскал чайник и там же добыл кусок копченой колбасы с хлебом и маслом. Черствая колбаса, запитая горячим чаем, с голодухи показалась божественно вкусной. Яна от бутербродов отказалась. Московский гость заглотив полбатона, вытер рот и полюбопытствовал:

– А кстати, если губернатор отдал этой команде завод, почему они сейчас поддерживают этого... Борщака?

– Не знаю. Я Игоря спрашивала, так я ему вообще должна была пять минут объяснять, кто из них губернатор, а кто кандидат. Он такими вещами не интересовался. А мне Жечков больше нравится.

Странное дело. Губернатор Жечков не подал руки Валерию Нестеренко и очень внятно объяснил, почему он это сделал, а кандидат Борщак, напротив, готов был Валерия Нестеренко хоть облобызать перед камерами... А вот почему-то Валерию тоже больше понравился действующий губернатор, хотя и не подал руки. И хотя, как известно, бывают губернаторы – большие мерзавцы, бывают губернаторы – средние мерзавцы, но вот губернаторов-святых не бывает...

– Извини, что я спрашиваю, – негромко проговорил Валерий, – ты с ним расписана была или нет?

– Нет.

Плохо. Совсем плохо. Если не расписана, значит, вообще ничего не получит: ни дома, ни квартиры – вон и конверт с чеком доктор Гертцки, даром что Яна была рядом, отдал не любовнице, а матери, а Яна стояла рядом и переводила.

– Мы собирались пожениться, – сказала Яна, – чтобы на визу подавать женатыми. И потом... в общем, у меня ребенок будет. Еще нескоро.

– Жить-то тебе есть где?

– Он на меня дом записал. И машину покупали на меня.

Сазан встрепенулся:

– Когда?

– Давно. Еще осенью. Как только стало ясно, что у нас с ним все всерьез. Вы езжайте, ладно? Я лучше лягу. Мне не очень хорошо что-то.

Распрощавшись с хозяйкой, Валерий пересек дорогу и постучался в калитку бабы Даши. Калитка была не заперта, более того, незапертой оказалась и черная дверь дома, но самой бабы Даши в доме не значилось.

Валерий взялся было за телефон, чтобы попросить Лешку Муху подежурить дома у Игоря, но потом раздумал. Ему почему-то совершенно не хотелось, чтобы кто-нибудь из его ребят дежурил наедине с Яной до тех пор, пока в этот дом не приедут с поминок.

Валерий вернулся к даче Игоря. На улице было уже совсем темно, но около ограды горел и гудел яркий галогенный фонарь. Фонарь был единственный действующий изо всех, тянув-

шихся вдоль улицы, и, надо полагать, затеплили его уже после убийства. Наверное, было первое мероприятие приехавшего на место областного начальства. «Па-ачему фонарь не горит? За-ажечь лампочку Ильича!» Как мало надо, чтобы электрифицировать всю страну...

Валерий прошелся от калитки до крыльца, вымеряя расстояние, потом обернулся. Огород, по ранней весне, был пуст и просматривался довольно хорошо, если не считать железного гаража с пристройкой. За гаражом начинались толстые елки, окаймлявшие участок. Видимо, именно там, между гаражом и елками, и прятался киллер.

Валерий сошел с крыльца и направился к гаражу. Там, в проушине между елкой и стеной, было темно, Нестеренко подсветил землю фонариком. Н-да. Судя по вытопанной, как площадка для молотьбы, земле, достопочтенные менты пришли к тем же выводам, что он сам. И выводы наверняка были правильные.

Валерий вернулся в «хаммер», завел мотор, чтобы согреться, и задумчиво закурил сигарету. На душе было как-то особенно паскудно, и часть этого паскудства проистекала оттого, что Валерий чувствовал себя виноватым, а часть – от того самого, что сформулировал доктор Гертцки. «Я понимаю, когда убивают таких, как вы, бизнесменов (господин Гертцки и не прозревал всей иронии употребленного им оборота), но зачем убивать русского Пастера?» Мог Игорь натворить что-нибудь, за что пуля полагалась ему в порядке вещей? Черт его знает, нынче каждый не без уroda в душе, но вот Игорь... Он просто был наименее вероятным кандидатом на такие дела.

Н– да. Итак, что мы имеем? Три версии. Версия кандидата в губернаторы Борщака: «Таким путем губернатор Жечков и его окружение пытаются лишить меня финансовой поддержки на выборах». Версия следствия: «Убийство гениального русского химика –это происки ЦРУ, Международного валютного фонда и всяких прочих жидомасонов». Классная версия, ничего не попишешь. Когда такие версии выдвигает начальник областной милиции, сердце твое преисполняется гордостью за буйный полет фантазии следственных органов... А еще говорят, менты мечтать не умеют.

Версия третья: хлопнули свои же товарищи, дабы не поделился с америкашками новым изобретением. Более правдоподобная, чем прочие. В том же самом смысле, что предположение «дважды два равно семи» ближе к истине, чем предположение о том, что дважды два равно сорока восьми целым трем десятым... Сазан очень хорошо помнил поведение Санычева месяц назад в Москве. Злой, обеспокоенный, нервный и недовольный. Еще бы! Скажи кто-нибудь Сазану, что от него уходит его правая нога, так Нестеренко тоже будет правой ногой недоволен... Но не до такой же степени был недоволен Санычев, чтобы мочить своего друга! К тому же имелся еще один фактор, очень серьезный: и Санычев, и Гаилов – оба были профессионалами и могли оценить талант Нетушкина. Это какому-нибудь отморозку из мусорного бака все равно кого грохнуть – потенциального Чикатило или потенциального Менделеева... А гендиректор Санычев – он человек с тонкой душой, он разницу чувствует...

В фарах автомобиля появилась фигурка пожилой женщины в тяжелом не по погоде пальто и с двумя сумками в руках. Женщина испуганно покосилась на носорожью громаду выпиравшего из темноты джипа, прошла по мостику и отворила калитку.

Сазан прыгнул на дорогу.

– Баба Даша?

Женщина обернулась.

– Мне Яна сказала, что вы ее навещаете, – проговорил Сазан, – она там одна, на поминки не смогла остаться и не очень хорошо себя чувствует. Вы уж переночуйте у нее, ладно?

– Конечно, – сказала женщина, – бедняжка Яночка, это ж надо, какое несчастье...

И женщина пустилась рассказывать, как хорошо жили Игорек с Яной и какие нынче скверные времена на Руси. Сазан все терпеливо выслушал, а потом спросил:

– А скажите, вы вот – соседи напротив. Вы ничего в ту ночь не слышали? Необычного?

– Мы – нет, – сказала Дарья, – и я спала, и муж спал. А вот Варин муж, Яшка, так он видел, как в полпервого машина проехала. Белые «Жигули», Он еще решил, что это Игорь приехал. Он часто так приезжал, непонятно на чем. А теперь вроде нет – у Игоря шофер Яшка, а у Яшки сестра, а у этой сестры первый муж в нашей слободке живет, так он говорит, что Игорь в час приехал и на заводской иномарке.

Сазан покачал головой. Он редко покидал Москву и едва ли не впервые сталкивался с деятельностью информагентства «Одна бабка сказала» и с феноменом маленькой провинциальной слободки: все про всех знают все. Ты попробуй в Москве спросить человека, как зовут его соседа по лестничной клетке, так он не знает, этот сосед белый или негр...

– Так может, эти «Жигули» к кому-нибудь здешнему ехали? – любопытствовал Сазан.

– Так вроде милиция уже всех проверяла, ни к кому они не приехали...

«Вот ты сволочь, – подумал Сазан про начальника УВД, – знал ведь о белых „Жигулях“, а мне ничего не сказал». Хотя, с другой стороны, с какой стати главный областной мент должен делиться сведениями с человеком, очень нахально и очень демонстративно явившимся на похороны в сопровождении дюжины качков и четырех джипов?

– А что говорят, кто Игоря убил? – спросил Сазан.

– Так ведь эти самые... империалисты за ним охотились! Наш завод, говорят, самой Америке поперек горла стал! Тут один милиционер был, такой важный, осанистый, так он так и сказал: «Здесь без международных террористов не обошлось!»

Сазан вздохнул. Это была оборотная сторона деятельности агентства «Одна бабка сказала».

– Так вы переночуете у Яны?

Баба Даша кивнула. Сазан выудил из кармана зеленую бумажку, торопливо сунул ее в руку женщине: мол, за труды. Та всполохнулась, но Сазан, не принимая возражений, вскочил в автомобиль и завел двигатель. Забота о ближних – это нежное и тонкое растение, которое только красивой цветет, когда его поливают зелеными бумажками.

***

Было уже одиннадцать вечера. На улице совсем стемнело, здешняя дорога была такая скверная, словно ее разбили еще гусеницы гудериановских танков, прущих на Москву. В целях светомаскировки надо всем шоссе висел один-единственный фонарь, да и тот назывался луна и светил, по причине новолуния, в треть заявленной мощности.

Валерий ехал автоматически, не путаясь в незнакомом городе, четко отыгрывая обратно все повороты, которые были продиктованы ему на пути «туда».

Итак? Версию с империалистами мы, пардон, решительно отбрасываем, версия предвыборной борьбы вызывает серьезные сомнения, равно как и версия о том, что убийство заказали коллеги по руководству заводом... Что остается? Таинственные беспредельщики, которые месяц назад оборвали с Яны юбку и которых на заводе очень хорошо знали.

Все бы хорошо, да вот беда: шесть месяцев назад Игорь перевел на Яну дом и на ее же имя купил машину. Парню было двадцать шесть лет. Зачем такие предосторожности, если не оттого, что он уже тогда чего-то боялся!

На стылом весеннем перекрестке около сине-белых «Жигулей» ошивался гаишник. При появлении «хаммера» он насторожился, как кошка при виде аппетитной, но слишком крупной крысы. Однако Валерий сам притормозил возле стража порядка и спросил:

– Гостиница завода «Заря» – это как проехать?

– У них вообще-то две гостиницы...

– Которая лучше.

– Прямо, второй поворот направо, до ближайшего светофора и еще раз направо. Трехэтажный дом с розовой краской. Голицына, пятнадцать.

Валерий сунул гаишнику какую-то мелочь, тот обрадовано подхватился и припустил к своей машине.

Нестеренко тронулся в указанном направлении.

А белые «Жигули»? Белые «Жигули» давно уже загнали куда-нибудь в здешние или брянские болота. Или так бросили... Из белых «Жигулей» следует очень важный факт: киллер не ждал Игоря всю ночь, а приехал за полчаса до возвращения Игоря. И через пятнадцать минут после того, как Игорь позвонил и попросил прислать машину. А из этого вытекает другой важный факт. Во-первых, можно попытаться отыскать место, где белые «Жигули» отсиживались, дожидаясь отмашки. Во-вторых, отмашку дал кто-то, кто мог слышать, что Игорь вызвал машину, именно вызвал, а не сел в нее: «Жигули» пожаловали в слободку почти одновременно с приездом шофера на завод. А так как таких людей достаточно мало, то процедура вычисления нужного из них проста и наглядна: берешь каждого по алфавитному списку, снимаешь штаны, вставляешь в задницу паяльник и смотришь, который расколется... Если имя стукача начинается на А, считай, что тебе повезло. Если имя стукача начинается на Я, считай, что не повезло всем тем, кто был перед ним...

Ну, а если информацию сняли с телефона, то что уж тут поделаешь – издержки производственного процесса...

На этот раз Валерий заплутал: то ли мент назвал ему не правильный поворот, то ли еще что, а только Нестеренко пришлось обернуться вокруг квартала: плохо освещенные дворы утопали в сугробах, посередине улицы шла разбитая ледяная колея, машину Валерия при торможении закрутило, и он едва не придавил серый «опель», одиноко торчавший меж двух сугробов с работающим двигателем.

Гостиница оказалась с другой стороны квартала: никакой таблички на здании не было, но перед стеклянным входом на тщательно расчищенной стоянке виднелись три темно-вишневых джипа с московскими номерами. Стоянка была широкая, метров двадцать, и обрамленная сквериком с вечнозеленым кустарником и смутно выступающими из темноты голубыми елями. В отличие от Игорьева дома, убийств перед гостиницей еще не происходило, и скверик вместе с улицей тонули в снежном мраке. Единственным освещенным пятном была лампочка у стеклянного входа, приподнятого гранитной лестницей на метр от земли.

Валерий притер «хаммер» к бортику, поднялся по высоким ступеням, с которых был тщательно сколот лед, и дернул за ручку двери. Дверь, по позднему времени, была заперта, и Валерий надавил на кнопку звонка.

В следующую секунду он бросился ничком на крыльцо, беспощадно марая дорогой костюм и сто долларовый галстук. Сухо треснул выстрел, и в стекле двери, там, где мгновение назад находилась голова Валерия, образовалась аккуратная дырочка, обрамленная снежинкой трещин. Валерий, еще в падении выхвативший пистолет, выстрелил в темноту под елками. Он бил туда, откуда полыхнула вспышка, и, судя по всему, попал: на снегу, за кустами, кто-то громко завозился и вскрикнул. Валерий покатился по ступеням вниз, неизвестный выстрелил снова и снова, пуля чиркнула о гранит там, где только что лежал Валерий, откололась и впиалась в руку ниже плеча. Пуля была девятимиллиметровая – болевой шок оказался мгновенный и очень сильный. Валерий, прекрасно освещенный фонарем, почти теряя сознание, выстрелил второй раз. В кустах что-то шумно обрушилось и стихло.

Дверь гостиницы распахнулась, и наружу табуном ринулись пацаны Валерия. За ними выглядывал бледный лик дежурной. Где-то в квартале отсюда зачирикала милицейская машина – судя по всему, охраннички гостиницы отреагировали на происшествие с завидной оперативностью.

Валерий схватил за руку одного из своих людей, Алешу Докузова.

– Ты вышел меня встречать, ясно? Стоял и курил. Когда я пошел по ступенькам, среагировал на звук снятого предохранителя. Столкнул меня вниз и выстрелил два раза, на пламя и звук... На ствол возьми...

– Не выйдет, шеф, – испуганно-подобострастно сказал Докузов, – там в холле охранники заводские. Трое. И дежурная... Они хохмы хохмили и видели, что никто не выходил.

Валерий обернулся: у перекрестка, шурша шинами, стремительно мелькнул почти невидимый силуэт. Нестеренко показалось, что это был тот самый серенький «опель», который грелся по ту сторону квартала. Валерий рванулся было к собственной машине, но прошел несколько шагов и сел: рука с каждой минутой болела все сильнее.

Милицейская «канарейка» уже тормозила у подъезда. Ребятки Валерия очень грамотно не побежали к елкам, а бросились навстречу ментам, излагая ситуацию. Валерий все сидел на обледеневшей ступеньке, захватив раненую руку.

– В чем дело? – рявкнул бравый лейтенант, поспешая навстречу Валерию.

– В меня стреляли, – сказал Сазан, – я стоял у входа, а тот – под елками. Там еще «опель» уехал, серый. Наверное, с напарником того, кто стрелял.

– Номер «опеля»? – посерьезнел лейтенант, доставая рацию.

– Без понятия.

Сазан цыкнул на своих ребят и вместе с ментами пошел под елки. Неизвестный товарищ лежал на снегу глазами вверх, туда, куда его отбросила последняя пуля. Правая рука сжимала черную вороненую игрушку – «ПМ». Товарищ был одет в потертые джинсы, белые кроссовки и старую куртку из кожзаменителя. Кто-то посветил фонариком под елку, и Сазан сказал:

– Окурки, окурки-то сфотографируйте.

Ожидая клиента, неизвестный в волнении извел полпачки сигарет. Снег вокруг елки был утопан в грязь. Несмотря на видимую незащищенность, киллер выбрал очень хорошую позицию для стрельбы. Густой вечнозеленый кустарник укрывал его и с улицы, и с площадки перед гостиницей, а пушистая голубая ель служила дополнительной страховкой. Сбоку, в трех метрах от ели, стоял вычурный чугунный фонарь. Он должен был бы освещать скверик перед гостиницей, но фонарь не горел. То ли киллер его пришиб сам, во избежание осложнений, то ли лампочка скончалась давно и естественной смертью.

К подъезду прибыл еще один милицейский «козел», тертый жизнью пожилой мент, по повадкам майор или на крайняк капитан, взглянул в лицо усопшего и сразу посуровел.

– Из чего стрелял? – спросил он Валерия. Валерий здоровой рукой вежливо подал ему «ПМ».

– Разрешение на ношение оружия есть?

Нашлось и разрешение.

– Что с рукой? – спросил мент.

– Он тоже не промахнулся.

– В больницу надо?

– Потом съезжу.

– А как вы, собственно, сообразили, что по вам будут стрелять? – спросил майор.

– Услышал, как он снял предохранитель. На улице было тихо, а этот звук ни с чем не спутаешь. Если бы в это время мимо проехала машина или из окна бы играла музыка, я был бы покойник.

– А как вы стреляли по нему?

– На пламя и звук выстрела. А что-то я гляжу, он вам знакомый? Старый клиент, да?

– Это опер из пятого отделения. Забыл, черт, как его фамилия... Лесенко... Лесько...

– Я боюсь, – услышал Валерий свой собственный высокомерный голос, – будет очень трудно оспорить тот факт, что ваш опер сидел под кустом и охотился за мной.

– Вы на что намекаете? – спросил майор. – Да... вы знаете, какое время паршивое? Вон... в прошлом месяце... «Жигули» «ниссан» подрезал на светофоре. Из «Жигулей» вышел мужик, достал пистолет, разрядил в лоб владельцу «ниссана» и поехал дальше. Арестовали – оказался сотрудник ОМОНа...

– Ни на что я не намекаю, – сказал устало Валерий. – Кстати, Игоря застрелили так же: из-под куста и когда он стоял на освещенном месте у запертой двери...

– В...вы что... в виду... вы хотите сказать, он... по заданию начальства...

– Ничего я не хочу сказать, – пожал плечами Валерий, – время такое паршивое. И вообще я хочу к хирургу и спать.

– А с губой-то что? – вдруг спросил майор. – Поранились?

Валерий недоуменно вытер губы и обнаружил на тыльной стороне перчатки свежую кровь.

– Прокусил, – сказал Валерий.

Рация в руках капитана ожила и захрюкала: недовольный голос сказал, что серый «опель» с горячим еще двигателем обнаружили в пяти кварталах от гостиницы, в глухом тупике над набережной. «Опель» был, разумеется, безнадежно пуст, и ключи зажигания болтались в замке.

Глава 3

Было уже десять утра, когда джип Валерия остановился у проходной Тарского химико-фармацевтического комбината. Точнее, машин было две: «хаммер» вел Лешка, по прозвищу Муха, верный соратник Валерия, а за ним катился «лендкрузер», набитый охранниками. Никакого выпендрежа на этот раз не было: просто Валерию страшно влетело от Мухи за вечернюю поездку, которая могла бы закончиться гораздо печальней, и вообще в городе, где в незнакомого человека, не разобравшись, начинают палить через четыре часа после приезда, следовало перемещаться группами и не поддаваясь на провокации, как советским матросам в капиталистическом порту.

Вчерашняя история покамест доставила Сазану меньше неприятностей, чем он ожидал. Конечно, с одной стороны, происшествие можно было описать так: милиционер стрелял в бандита, а бандит взял и застрелил милиционера. Но так как милиционер стрелял в бандита явно не по служебной надобности, а за чьи-то деньги, а бандит, напротив, никак своей бандитской сущности не проявлял и просто мирно давил себе гостиничный звонок, то получалось, как ни крути, что милиционер в этом конкретном эпизоде вел себя, как бандит, а бандит, напротив, как законопослушный гражданин. Но опять же, так как милиция очень не любит, когда ее сотрудников убивают при исполнении хотя бы и неслужебных обязанностей, то очень могло бы быть, что ребята наизнанку вывернутся, но представят дело в пользу покойника.

Но пока милиция была в явном шоке и ничего вразумительного по поводу того, кто виноват, не говорила. Видимо, ожидала руководящих указаний от главного милицейского начальства или даже самого губернатора.

Что до раны, то рана была действительно не очень серьезная. Пуля, царапнув кость, на излете так и осела, как выразился местный эскулап, «в мускульной ткани плеча», и выковыривать ее пришлось в местной больничке, где анестетики то ли выдохлись, то ли были просрочены совершенно. Бледный от ужаса хирург ковырялся в ране, как сытый гурман в тарелке с супом, и то и дело спрашивал: «Больно? Не больно?»

– Да какое, к черту, не больно! – не выдержал Валерий. – У вас что, обезболивающие кончились?

После этого хирург перепугался до состояния промокашки, и в конце концов присутствовавший при экзекуции Муха не выдержал, отодвинул хирурга в сторону и в два счета вытащил пулю сам. Пуля, несмотря на контакт с костью, была в хорошем состоянии, не сильно деформированная, бороздки, оставшиеся на ней после выстрела, легко позволяли произвести идентификацию. Милицейское начальство сфотографировало пулю, положило ее в целлофановый мешочек и увезло с собой.

Нестеренко ране только радовался. Извлеченная из его плеча пуля – при явном отсутствии следов пороха на его одежде и столь же явных идентификационных бороздках – была (наряду с брошенным «опелем») одним из самых главных аргументов в пользу подлинности его версии событий. Валерий, между прочим, оценил тот факт, что пиджак и плащ у него ненавязчиво изъяли.

Проходная завода хранила на себе следы былого великолепия: стеклянные пуленепробиваемые будки, стальной пол и две сейфовые двери, обрамлявшие нечто, габаритами напоминающее барокамеру. Видимо, некогда, чтобы пройти на завод, нужно было зайти в первую дверь, закрыть ее за собой и предъявить допуск, и только после этого охранник с пульта открывал вторую дверь. Теперь обе двери были распахнуты настежь, а перед ними в пол была врезана обыкновенная вертушка. В будке при вертушке сидел худошавый паренек в камуфляже, а сама вертушка блокировалась наглухо и поворачивалась только после нажатия кнопки.

При виде Валерия со свитой парень вопросительно поднял глаза и порекомендовал ему обратиться в отдел пропусков.

– Я к директору, – сказал Валерий.

– У меня на вас пропуска нет, – повторил парень.

Валерий неторопливо покопался в кармане, что-то звякнуло, и парень, скосив глаза, увидел, что на полированной поверхности конторки лежит обойма от заграничного пистолета, по виду – «беретты».

– Это что? – спросил парень.

– Вкладыш к пропуску. Сам пропуск показать?

Парень подумал и стал накручивать диск телефона.

***

Генерального директора Демьяна Санычева не было в кабинете: как разъяснила секретарша, он пошел в пятый цех.

Пятый цех располагался посередине заводской территории, за лесом огромных цистерн, соединенных со сборниками пуповинами труб, и гигантскими двухсоткубовыми реакторами, уходившими через перекрытия прямо в низкие брюхатые облака.

К изумлению Валерия, пятый цех оказался сравнительно небольшим и, скорее всего, экспериментальным. Реакторы здесь стояли всего в два куба, и где-то чуть поверх головы Валерия натужно гудел электромотор, перемешивая химический компот в огромных стальных сосудах, выкрашенных серебристой, покарябанной кое-где краской.

В цехе было безлюдно. Нестерпимо пахло какой-то ужасающей дрянью, питоньими кольцами змеились по стенам вытяжные трубы, и между реакторами растопырился на трех ножках толстенький фильтр. Один из реакторов не работал.

Пока Валерий оглядывался, возле реактора появился человек в драной спецовке, деловито оглядел реактор, пнул одну из идущих к нему трубок, сложил руки рупором и крикнул куда-то вверх:

– Витя! Врежь вентиль!

Человек исчез, а на его месте через две минуты возник Витя с защитной маской и сварочным аппаратом, надвинул маску на лицо и принялся врезаться в трубу. Резак пробил трубу в несколько секунд, из нее веселым фонтаном брызнула парная жидкость. Рабочий сдвинул маску, некоторое время созерцал жидкость, потом повернулся к Валерию и сказал растерянно:

– Во блин. А сказали, что пустой...

Снял рукавицу и подставил под фонтанчик ладонь.

Валерия передернуло.

– Вода, – обрадовано сказал рабочий. – Из кожуха вода. Не слили, наверное...

В помещении появился Гаилов в синем халате, накинутом на кургузый пиджак. Некоторое время он и рабочий совещались по поводу реактора, а потом к ним присоединился еще один – видимо, инженер. На Валерия и двух его спутников никто из химиков внимания не обращал.

Валерий, мысленно выругавшись, закурил сигарету. Гаилов обернулся мгновенно.

– Немедленно потуши, – приказал замдиректора. Московский гость недоуменно выдохнул дым через ноздри.

– А что, нельзя?

– Ты на бензоколонке тоже куришь?

– А здесь что, бензоколонка?

Вместо ответа Гаибов показал рукой.

– Видишь холмик вокруг цеха? Знаешь, зачем он?

В проеме открытой двери и в самом деле был виден высокий холм с розоватым снегом, опоясывавший все здание.

– Зачем?

– Обваловка. Чтобы при взрыве не пострадали соседние цеха.

Валерий, подумав, тщательно потушил сигарету.

За время их разговора рабочий с инженером куда-то смылись. Валерий и замдиректора оказались одни возле пузатеньких реакторов. От кожуха едва ощутимо тянуло теплом.

– И что вы здесь варите? – спросил Валерий.

– Бетаферон.

– Это от чего?

– Генно-инженерный препарат. От почек. Лекарство впервые испытано в прошлом году. Разработка Игоря.

Валерий с легким подозрением посмотрел на шеренгу реакторов. Он не был большим спецом в биохимии, но ему смутно всегда казалось, что генная инженерия – это пробирки, халаты и стерильная чистота, которой вокруг, как ни крути, не наблюдалось.

– Его прямо здесь и синтезируют? – уточнил москвич.

– Вы представляете себе, чем отличается реактор от роллера? – насмешливо спросил Гаибов. – Конечно, нет. Субстанцию бетаферона выращивают в другом месте. В институте через дорогу А здесь ее просто берут и смешивают со всякими наполнителями.

– Зачем?

– Чтобы легче усваивалась организмом. Чтобы хранилась дольше... Пара дюжин «чтобы».

– И это со всеми лекарствами так?

– Со всеми. В таблетке димедрола на сто миллиграммов таблетки – пять миллиграммов действующего вещества. В таблетке феназепама – одна десятая миллиграмма.

Гаибов помолчал и добавил:

– Российские фармзаводы редко делают субстанции. Мы – исключение. Мы почти все свое делаем сами, только субстанцию эритромицина у китайцев закупаем...

– Потому что ваши лекарства придумывал Игорь?

– Ну... не все. Но несколько самых дорогих – да. Одна разработка еще институтская, это как раз бетаферон, мы на него лицензию получили, еще когда я в Алицке работал, два препарата сейчас запускаем плюс феноцистин. Это такая штука от почек, ее «Беррингер» разработал и взял патент на синтез так, чтобы его обойти было невозможно. А Игорь – обошел. И не только обошел, а впятеро дешевле сделал... Ихний феноцистин стоит сорок долларов, а мы поставляем за двенадцать и еще чиновнику при этом можем откатывать вдвое больше, чем иностранцы...

Гаибов помолчал.

– Плюс еще шесть веществ, три сейчас проходят клинические испытания, три на очереди...

– Не много ли? – спокойно спросил Валерий. – Для одного человека?

– Нет. Не много. Вы не представляете себе, Валерий Игоревич, какое число замечательных разработок валялось у нас по военным и всяким прочим институтам. Вот теперь мы эти разработки и берем. Почему наши старые научные достижения должны красть только иностранцы вроде «Ланки-Гештальт»?

– То есть внедрять эти разработки мог бы не только Игорь?

– Так и теорию относительности мог кто-нибудь другой выдумать, – раздраженно заметил Гаибов, – рано или поздно...

Гаибов прошел куда-то в глубь цеха, открутил вентиль и нацедил в стоявший рядом стакан прозрачной жидкости. Выпил и вытер усики.

– Хочешь?

– Это что? Не спирт, часом?

– Нет. Вода. Спирт у нас тут пили при предыдущем директоре. Врезались прямо в трубу и пили.

– И много выпивали?

– Влияло на выход конечного продукта, – Гаибов усмехнулся.

– Тут много веселого было, – добавил он, – этот директор бывший, Корзун, он тут баньку построил областное начальство парить. Одно мероприятие заводу в полтора лимона зелеными влетело.

– Почему?

– Котельная. Одна и та же котельная обслуживает и баньку, и цеха. Когда топили баньку, давление в кожухах реакторов падало, реакция замедлялась... Обычно эти парилочки заводу в тридцать-сорок тысяч зеленых обходились, а тут у них как-то совсем не на ту стадию пришлось, реагентам это не понравилось, они возьми и вылети через лючок – и по всему цеху...

– Это когда было? При Союзе?

Гаибов пристально поглядел на Валерия.

– Если бы здесь чего при Союзе из лючка вылетело, Валерий Игоревич, то Тарской области бы не было. Здесь делали бактериологическое оружие.

Валерий помолчал и спросил:

– Кто убил Игоря?

С железных перилец к Гаибову перегнулась какая-то тетка в белом халате.

– Фархад Гафурович, – сказала она, – тут стекло ничего не показывает.

Гаибов повернулся, чтоб идти разбираться со стеклом.

– Вы на мой вопрос не ответили, – позвал Валера.

Гаибов внимательно оглядел московского гостя.

– Я – лицо подчиненное, – сказал замдиректора, – если у вас есть вопросы о бензольных кольцах и металлических групах, ваяйте, не стесняйтесь. А все прочее к Демьяну.

***

Кабинет генерального директора Санычева выглядел так, будто в нем ничего не менялось с семидесятых годов. Посреди квадратной комнаты – Т-образный стол соломенного цвета, дешевые стулья и громоздкий черный коммутатор вместо современного телефона. За спиной директора стояли три бархатных красных знамени с желтыми кистями, и над ними висел портрет человека с орденом Ленина. Впоследствии Валерию сказали, что на портрете значился Виктор Ишенцев, первый директор «Зари» и изготовитель советского бактериологического оружия.

Из окна открывался вид на бесконечные переплетения труб, крашенных светлой серебряной краской, и несовременный вид кабинета странно контрастировал с отремонтированными цехами.

Валерий молча прошел в кабинет, кинул плащ на один из стульев, протянувшихся вдоль стола заседаний, и уселся в удобное кресло, располагавшееся сбоку, за небольшим круглым столом для более интимных бесед. Передовик производства Ишенцев, герой «холодной» войны, из кабинета которого, бывало, людей уводили прямо на расстрел, смотрел на молодого бандита с присущей портретам надменностью.

Санычева, поднявшегося ему навстречу, Валерий любезным жестом пригласил садиться напротив. Если тот и был шокирован тем, что в его кабинете ему же указывают, куда садиться, то виду не показал, а молча сел. Некоторое время они молчали и смотрели друг на друга, а потом Санычев засуетился, опустил глаза и спросил:

– Э... собственно, чем могу служить, Валерий Игоревич?

– Кто убил Игоря и за что?

Санычев смущенно улыбнулся.

– От...ткуда я знаю?

– Давай не будем врать, – сказал Валерий. – Это пусть ментовка не знает. А ты знаешь.

Итак?

Санычев помолчал.

– А скажите, Валерий Игоревич, какой, собственно, ваш интерес в этом деле?

– У меня убили друга, – спокойно сказал Валерий.

– Очень трогательно. Друга, с которым вы не виделись лет двенадцать и случайно встретились месяц назад на пять минут?

Валерий помолчал. Что он мог сказать? Что месяц назад он почувствовал, что с Игорем беда, и что если бы он был чуть-чуть меньше занят своими делами, Игорь был бы жив?

– Это, конечно, очень эффектный повод, чтобы приехать на похороны аж на четырех джипах, но что вам нужно на самом деле?

– Есть еще одна причина, – сказал Валерий. – В меня вчера стреляли. Прямо на пороге вашей гостиницы. Кто-то принял мой, как вы выражаетесь, эффектный приезд близко к сердцу. И поскольку в результате нашей с киллером встречи в моем новом пиджаке образовалась дырка, я бы хотел знать, по какому адресу мой портной должен послать счет.

Санычев покачал головой.

– Вам лучше спросить об этом у начальника милиции. Если я не ошибаюсь, это как раз те люди, которые у нас занимаются расследованием преступлений...

– Спорный вопрос, чем они занимаются, – усмехнулся Валерий.

– Вам виднее. Вы с ними сталкивались чаще, чем я.

Помолчал и добавил:

– Видите ли, Валерий Игоревич, я давно уже заметил одну интересную закономерность: заводы под плотной криминальной опекой в нашей области имеют обыкновение жить гораздо хуже, чем заводы без оной. Вы никогда не сталкивались с Кубеевским льнокомбинатом имени Великой Октябрьской социалистической революции?

– Даже не в курсе, где это.

– В сорока километрах отсюда. На границе с Костромской областью. Очень поучительное место. Комбинат работает, как часы. Мощности загружены на 90 процентов. А надо вам сказать, в нашей области в этом году сожгли двадцать тысяч гектаров созревшего льна...

– Как сожгли? – поразился Валерий.

– Так сожгли. У хозяйств не было горючки убирать лен, а у комбинатов – денег его купить.

– А почему в поле не оставили?

– А нельзя. Он за зиму не перегнивает, лен – это вам не картошка. Так вот – а Кубеевский комбинат свой лен получил. Экспортирует сто процентов продукции за границу. Себестоимость производства – вдвое меньше, чем у соседей. Никаких, можно сказать, конкурентов...

– И что тут плохого? – недоуменно сказал Сазан, смутно встревоженный тоном собеседника.

– А ничего. Вопрос в том, за счет чего у них такая низкая себестоимость. А низкая она за счет того, что они никому не платят. Вообще. Ни зарплаты, ни налогов, ни денег поставщикам. Зарплаты они не платят, потому что людям из Кубеевки все равно, на хрен, никуда не деться. Налоги сам бог велел не платить. А поставщики... приезжают перед уборкой в колхоз пятеро

лбов и тычут в председателя помповиком: «Собирай, на хрен, наш лен!» – «Да у меня горючки нет! Вы за старый лен не заплатили!» – «Ничего не знаем, горючка твоя, а лен наш! Не найдешь горючки, яйца повыдергаем и дочку трахнем!» Правильно хозяйствуют ребята, а?

– И кто же это такой хозяйственный? – поинтересовался Сазан.

– А неважно. Ездят тут... тоже при джипах. А насчет Кубеевки я для примера. Потому что мой комбинат сильно отличается от Кубеевки и я не хотел бы, чтобы он на Кубеевку был похож.

– При чем тут Кубеевка? – не выдержал Сазан,

– При том, что ваш приезд я рассматриваю как попытку взять мой завод под «крышу».

Пока достаточно деликатную и прикрытую довольно наивным предлогом насчет вашего дорогого друга, которого вы видели сто лет в обед. Мой завод в вашей «крыше» не нуждается. Смотри сноску про деревню Кубеевка.

Сазан встал.

– Очень хорошо, Демьян Михайлович. Как я уже сказал, я приехал сюда только за одним: разыскать убийц Игоря. Ты наверняка знаешь, почему его убили. Из того, что ты мне это не говоришь и за свою жизнь почему-то не боишься, следует одно. А именно – Игоря убрал ты сам. И счет за мой пиджак присылать надо тоже тебе. Договорились?

Санычев стал белый, как фарфоровый чайник.

– Да как ты смеешь... Да я за Игоря...

– Тогда кто?

Санычев помолчал. Видимо, он прикидывал, насколько серьезна угроза собеседника.

– Это началось где-то месяца два... Или, если уж с самого начала, – я вам говорил, как на заводе хозяйствовали пару лет назад?

– Никак. Все раскralи.

– Не совсем. В паре цехов гнали водку. Сначала самогонку, а потом была такая бригада, бандита звали Сыч, он арендовал цех и делал какой-то фальшак. Когда мы все это купили, милиция помогла нам Сыча с завода вышибить. Его, кстати, вскоре застрелили, только поверьте, что я к тому, что его застрелили, ни малейшего отношения не имел.

Санычев шумно вздохнул.

– Ну вот. После смерти Сыча некоторое время шла война за наследство, и одним из наследников стал некто Спиридон. Ходили такие слухи, что он же сам своего шефа и определил в покойники... Ну да это ладно. Спиридон – человек довольно жестокий. Пиджаков от Армани, в отличие от вас, не носит, «вы» не говорит, его стиль – «коза» в глаза или кирпичом в темном проулке по морде. И вот пару месяцев назад Спиридон к нам начинает подкатываться...

– С конкретными претензиями?

– С деловым предложением... скажем так.

– А именно?

– Спиридон давно и прочно сидит на игле. Ну ему в мозги и стукнуло, что зачем ему покупать это дело, если у него под боком отличное подсобное хозяйство? И он предложил нам синтезировать ЛСД.

– А вы?

Санычев брезгливо улыбнулся.

– Во-первых, для синтеза ЛСД совершенно не нужно завода. Для этого достаточно кухни. Во-вторых, наш НИИ – он в общем-то занимается не химией, а молекулярной биологией. Товарищ Спиридон, в силу пяти классов образования, никак не мог уразуметь разницу между ситуацией, когда вы варите на спиртовке какую-нибудь смесь и когда вы под микроскопом собираете гены...

Санычев помолчал.

– Я ему отвечаю вежливо, что пошел, мол, куда подальше. Он не отстает. В каком-то ресторане отловил Игоря, а надо вам сказать, что Игорь в ресторане бывает не чаще, чем я, допустим, в музее Прадо, и вздумал с Игорем на эту тему беседовать. Игорь, говорят, ему по морде дал. То есть не попал, конечно: Спиридон бывший мастер спорта по вольной борьбе. Но впечатление было изрядное. На следующий день после этой Игоревой выходки приезжает ко мне Спиридон собственной персоной. Морда ящиком, в глаза «козой» тычет и базар уже ведет соответствующий. Мол, мы ему по жизни должны, это его территория, и вообще это мы его друга и учителя Сыча замочили. Довольно жуткое было зрелище, Валерий Игоревич. Значительно более жуткое, чем ваше благодетельное явление на четырех джипах. Я в таком, знаете ли, спектакле раньше не участвовал...

– Даже так? А кто вам «крышу» ставит?

– Да вроде как никто. Милиция. Мы же были губернаторские любимцы и все такое прочее.

– И что милиция на этот раз?

Санычев помолчал, вытряхнул из трубочки белую таблетку – валидол или что-то в этом роде.

– Дайте воды. У меня что-то от всех этих переживаний сердце заболело.

Валерий воды принес, Санычев проглотил таблетку и показал ему трубочку.

– Кстати, не желаете ли? Ацинамин, вроде валидола, только лучше. Наше производство.

– А вы обезболивающих не выпускаете?

– А что?

– Да ничего. Мне вчера ночью в районной больничке пулю из плеча драли, так мало того, что у хирурга руки тряслись, так еще и вместо обезболивающего водопроводную воду вкололи.

– Он вам, наверно, новокаин колол, а новокаин не на всех действует... Мы анестетиков не выпускаем.

– Так что милиция сказала по поводу Спиридона?

Санычев довольно долго молчал.

– Я жду объяснений, – холодно поторопил Сазан.

– Ну, в общем... так получилось, что мы незадолго до этого с полковником Молодарчуком поссорились. Ну с начальником областного УВД.

– Отчего?

– Вы примерно представляете себе, как живут сейчас в России предприятия?

– В смысле, что у них нет денег?

– Ну я бы предпочел сказать, что у них нет рублей... Но в целом верно. У нас сейчас примерно процентов тридцать расчетов идет через взаимозачеты. До семнадцатого августа шло процентов пятьдесят. Потому что до семнадцатого августа наш экспорт был формально убыточен. За сырье, с бюджетом, за газ мы расплачиваемся векселями. Векселя, как правило, не наши, хороший завод этой дряни сам не плодит, но они-таки есть. И когда мы расплачиваемся собственным векселем, это значит, что вместо денег вам приходит бумажка, за которую через несколько месяцев вы можете получить у нас определенное количество лекарств. Это понятно?

– Ну.

– При этом цена лекарств, которые идут в оплату векселя, получается в три-четыре раза выше цены лекарств, которые отпускают за деньги. Это означает, что на рынке ваш вексель стоит тридцать-тридцать пять процентов от номинала. Это понятно?

– Ну.

– Вы когда-нибудь вексель видели?

– Э...Э...

– Это такой большой лист, сверху «простой вексель» написано, подпись главбуха, сумма, дата погашения и, разумеется, номер. Существует так называемый «черный список». Стоп-лист. Это те векселя, по которым мы не будем платить.

– Почему?

– Потому что поставщик нас кинул. Допустим, я договорился с фирмой «Васькин и кот», что «Васькин и кот» поставит мне субстанцию эритромицина. А «Васькин и Кот» ничего не поставил. Тогда я вношу вексель в «черный список».

– И тогда вы по векселю не платите?

– Нет.

– А если «Васькин и кот» продает вексель?

– Тогда потенциальный покупатель звонит в наш вексельный отдел. И спрашивает: «Ребята, мне предлагают вексель номер такой-то, номиналом в полмиллиона рубчиков. Мне не фальшивку ли подсунули, и будете вы по нему платить или нет?» И девочка в отделе смотрит и говорит, хороший это вексель, или фальшивка, или он в «черном списке».

– А если «Васькин и кот» продаст вексель до того, как он попадет в «черный список»?

Демьян Михайлович вздохнул.

– В общем-то, что-то в этом роде и случилось. Было три векселя, который мы выписали некоей фирмочке «Приска-Стройкомплект». Мы с ней сотрудничали, она нас не подводила – поставляла по зачету оборудование с нескольких оборонных заводов. Она их продала другой конторе, «Бенарес», и тут же в нетях растворилась.

– Когда продала?

– Неизвестно. В том-то и дело, что «Бенарес» нам по поводу векселей не звонил, и мы даже не знаем, когда они их купили: до того, как векселя попали в стоп-лист, или после. В любом случае эта история плохо пахнет.

– А разве на договоре между «Стройкомплект» и «Бенаресом» не указана дата покупки?

– Валерий Игоревич! Да задним числом любую дату можно поставить, как будто вы или я этим не занимались!

– Ну хорошо. Я так понял, что «Бенарес» пришел к вам с векселями, а вы отказались их гасить?

– Да.

– А при чем тут милиция?

– При том, что реальный хозяин «Бенареса» – начальник областного УВД Григорий Молодарчук.

– А сколько эти ваши векселя стоят?

– Общий номинал – тринадцать миллионов рублей. Плюс штрафные санкции.

– То есть минимум пятьсот штук баксами?

Санычев кивнул.

Нестеренко протяжно присвистнул.

– И что было после того, как вы отказались платить? Они вас проверками заели?

– Отнюдь. «Бенарес» просто тихо и мирно подал в суд. А надо вам сказать, что наше вексельное обращение – вещь чрезвычайно... как бы вам сказать... опирающаяся на некоторые устные договоренности. То есть все знают, что ваши векселя обращаются на рынке и стоят тридцать процентов от номинала. И что если вы покупаете вексель и приходите на завод, то вам грузят продукцию по цене в три раза выше, чем если бы вы платили деньгами. Но нигде в законодательстве нет такой нормы, что я должен векселедержателю платить товаром. Там есть норма прямо противоположная: о том, что я ему должен платить деньгами. По номиналу векселя плюс штрафные санкции.

Нестеренко подумал.

– То есть «Бенарес» купил векселя даром, потому что они были в «черном списке», без «черного списка» красная цена векселям – сто пятьдесят штук, а с вас они просят пятьсот?

– Да.

– Классный бизнес, – цокнул языком Сазан.

Санычев немедленно окрысился.

– Что, думаете, как его под себя приспособить? Очень рекомендую. Как раз глубоко бандитское занятие. . .

– И в какой стадии дело?

– Они выиграли первую инстанцию, мы подали апелляцию. Апелляцию мы тоже проиграем. Я предлагал Молодарчуку мировую. Мол, хорошо, мы выкатим вам лекарства по зачетной цене. Молодарчук отказался.

Санычев помолчал и добавил:

– Понимаете, это не первое и не последнее дело «Бенареса». Это маленький бизнес, который организовала областная правоохранительная верхушка. Уже три завода на это налетели. «Бенарес» просто покупал вексель на рынке за двадцать-десять процентов и впаривал иск. Только один завод, говорят, отбился. Шакировский писчебумажный. У него «крыша» очень солидная – Сема Колун. Первый в вашем деле человек по области.

На директорском столе одиноко зачирикал телефон.

Санычев взял трубку, что-то коротко пролаял, потом повесил ее обратно.

– В общем, история со Спиридоном случилась akurat, как мы поссорились с начальником областного УВД. И когда мы побежали в милицию с плачем, что на нас наезжают, мне тут же Молодарчук отзвонил по телефону и намекнул, что он готов оставить от Спиридона мокрое место. При условии, что мы заплатим по векселям. И вообще, как он выразился, найдем взаимовыгодные формы сотрудничества. В противном случае милиция не выразила желания помогать мне против Спиридона. Даже были произнесены такие слова, ну что я, мол, возражаю, все дела Спиридона в прошлом и он давно никакой не Спиридон, а Павел Спиридонович Когут, известный тарский предприниматель. И совершенно непонятно, почему бы преуспевающему заводу не посотрудничать с преуспевающим предпринимателем?

Руки Санычева бесцельно бродили по столу.

– Конечно, Спиридон был взбешен из-за Игоря. Я ему отказывал, но я это хоть вежливо делал. На связи всякие намекал, которые есть и которых нет. А тут человек уже привык двери в администрации ногой открывать, и вдруг встает какой-то очкарик и шварк его по морде! И за что, спрашивается? Он что, у очкарика девку кадрил или дачу хотел отобрать? По узкому разумению Спиридона, очкарику была предложена работа строго по профилю. Вот такая история.

– Спиридона вчера на похоронах не было? – неожиданно спросил Валерий.

– Да вы что. Его бы рабочие на части разорвали. Прорвались бы через ОМОН и устроили бы. . .

– А как звали человека, который заведовал «Приской-Стройкомплект»?

– А зачем вам это, Валерий Игоревич?

– Для общего образования.

– Завод будет сам договариваться с Молодарчуком, Валерий Игоревич. Вас мне на этих переговорах не нужно.

– А почему вы стали поддерживать на выборах этого. . . Борщака. Кандидата в губернаторы? Ведь старый к вам неплохо относился.

– Он как-то непонятно стал себя вести.

– Что значит «непонятно»?

– Ну, допустим, в декабре мы тут решили еще один завод на себя взять. Шинный. Если точнее, мы целую нефтехимическую корпорацию задумали, а начать решили с «Таркшины». Я уже говорил, что у нас в городе четыре химкомбината, и все, кроме нашего, лежат. А у

нас как раз после августа денежка поперла со страшной силой, потому что после девальвации рентабельность экспорта выросла аж втрое. У шинного завода контрольный пакет принадлежит областному фонду имущества, и мы просим, чтобы фонд отдал нам этот пакет в управление. С правом последующего выкупа.

– Даром?

– Да! Даром!!! С точки зрения либерального экономиста, это, может, и некрасиво выглядит. Как так! Огромный заводище, две тыщи работающих, давайте конкурс устроим, а не будем государственное достояние по чужим карманам распихивать... А с точки зрения реальной экономики – ну кому он, этот шинный завод, на хрен, нужен! Кто в него будет вкладывать, кроме нас? Кто из него сделать чего-то сможет?

– И что губернатор?

– Поначалу был согласен. А потом вдруг чего-то губу надул. Да как так! Да без конкурса! Да скажут, что я взятки беру! «Тарскшина» вон до сих пор лежит, зато губернатор честный...

– Еще что-нибудь было?

– Ну та же самая история, только с вариациями. Другой химкомбинат, «Тарскнефтеоргпереработка», принадлежал Инкомбанку. Опять же после 17 августа с Инкомом известно что случилось, мы приходим к Инкому, говорим – продай! Да Инком бы его и до кризиса продал, мертвый завод, только баланс портит. И вдруг – бац! – пока мы ведем переговоры, губернатор начинает «Тарскнефтеоргпереработку» банкротить. Ну какой смысл, а?

Санычев от обиды даже привстал.

– Какой смысл, я спрашиваю? Мы бы взяли этот завод, почистили, три тысячи рабочих мест, в нем еще не все сдохло, он бы сейчас уже работал! Не-а! Мы его к себе возьмем, мы управляющим пацана посадим с уральского вагоностроительного завода! Представляете? Этот ихний машиностроительный товарищ не знает, чем кислота от основания отличается, а туда же полез, химиками командовать! Завод еле чепыркается, двести человек от силы работает, зарплаты не платят, продукции во-от такой ручеек, зато – губернаторское! Зато можно с него деньги на избирательную компанию сдаивать!

Теперь Санычев был действительно взбешен. Глаза его горели нехорошим огнем, директор то и дело сжимал и разжимал руку.

– На «Заре» раньше блиомицин делали. Жуткая штука, ядовитая, а чтобы ее сделать, нужно на две недели цех закрыть и еще потом, после окончания производства, другие две недели убираться. А еще нужна особая плесень. А для плесени – агар-агар. А агар-агар растет на особой парафиновой основе, которую в Союзе производил один-единственный завод – «Тарскнефтеоргпереработка». Этого парафина нужно-то двести кило в год! Но блиомицин стоит столько, что мы бы на одном блиомицине этот завод подняли! Нет, не дадим, а блиомицин будем закупать в Японии по цене бриллиантов! И когда мы начинаем спрашивать, зачем угробили завод, под это дело распускается слух – безумный слух! вздорный слух! – что Игорь Нетушкин поссорился с Демьяном и Фархадом и пойдет на «Тарскнефтеоргпереработку» антикризисным управляющим. Бред полный. Во-первых, не ссорился. Во-вторых, вы представляете себе Игоря в роли директора? Игорь – это антидиректор. С людьми не умеет разговаривать, финансов не знает, он думает, что пробирки на деревьях растут, а плавиковую кислоту, наверное, качалкой качают, как нефть. Он закажет себе какую-нибудь аппаратуру, к нему придешь: «Игорек! Эта штука сорок тыщ долларов стоит!» – «Да? А мне так интересно было бы с ней поработать». – «Игорек, мы тебе купим, только скажи, зачем она тебе конкретно?» – «Да я конкретно не знаю, просто я тут одну серию задумал...» Вы представляете себе такого человека во главе завода?

Санычев вздохнул и горестно замолчал, видимо, вспомнив, что Игоря уже нет и заказывать микроскопы по цене «мерседеса» больше некому...

– А что было сначала – векселя, Спиридон или губернатор?

– Губернатор.

– То есть как только вы лишились высокого покровительства, то на вас наехали все: от местных качков до местной ментовки?

Если молчание – знак согласия, то Санычев, видимо, был согласен с утверждением.

– Из-за чего вы поссорились с губернатором?

Санычев насупился.

– Appetit у него большой.

– Например?

– В области третий год строят онкологический центр, И под эту стройку, натурально, создан внебюджетный фонд, в который все мы, конечно, жертвуем...

Директор помолчал.

– Если бы те деньги, которые я отдал в этот фонд, остались мне, я бы ровно еще одну такую «Зарю» рядом обустроил. А так аж две пустые коробки построили, да и то фундамент с восьмидесятих остался! Он бы, гад, хоть половину воровал, а он все гребет, как саранча! И когда я сказал, что больше я денег туда не дам, губернатор аж истерику закатил: ах я сволочь... да на святое дело... ах я детей лечить не хочу! Да...

Директор горестно махнул рукой и замолк.

– А почему Игорь так бедно жил? – спросил Сазан.

– Что значит бедно? Машина есть, дом шесть комнат. Почему не квартира? Он сам в городе не хотел жить, тухло ему было в городе... У него участок, заметил, какой? В добрый гектар.

Санычев выставил перед собой толстую руку, загнул мизинец, начиная считать:

– Мы его матери операцию сделали в Швейцарии, еще когда завод лежал на печи, как Илья Муромец. Мы ему лабораторию выстроили. Игорь очень недешево заводу обходился. Знаете, сколько его статья заводу стоила? Триста тысяч долларов без копеек. Оно, конечно, грех на открытиях деньги считать, а вы мне найдите в России сейчас дурака, который такие бабки Пастеру даже из казны отдаст, я уж о частном бизнесе не говорю! И завод с этого ни гроша прибыли не получил, только головную боль, потому что Игоря всякая заграница на части стала рвать. И хрен этот шведский не правду лопочет, что Игорь здесь свой талант губил. Это еще не известно, где бы ему проще работать было. Если бы он в этой своей американской лаборатории триста тыщ на реактивы вздумал истратить, так ему бы прежде полгода бумажки бы пришлось заполнять. Он бы к этому времени от тоски издох... А тут он приходит ко мне, я покричу-покричу, да и хлоп подпись!

И Санычев грустно махнул рукой.

На директорском столе зазвонил телефон. Санычев в раздражении снял трубку.

– Что такое? Просил – не соединять!

Выслушал ответ, удивился и протянул трубку Валерию.

– Это тебя. Милиция. Полковник Молодарчук, вишь, начальство засуетилось...

Валерий взял телефон.

– Валерий Игоревич? Это Молодарчук вас беспокоит, тут наши люди вас разыскать не могут, которые ваше дело ведут. Уж мы вас ищем, ищем, а вы вон где... Вы бы подъехать к нам не могли?

– Подъеду, – сказал Валерий.

***

Пока московский авторитет беседовал с начальством, свита его рассредоточилась возле проходной комбината. Веселый, добродушный Муха сидел в караульной комнатке на проходной, наблюдая, как скучающий охранник отмыкает вертушку для редких посетителей.

Вообще комбинат охранялся не очень плотно: двое охранников на вертушке, трое у некогда мощных, а ныне со скрипом вползающих в стену ворот, да начальник смены в крошечной каморке сбоку. Телефон, как заметил Муха, был только внутри здания, а раций у охранников не было.

Через проходную процокала каблучками припозднившаяся сотрудница бухгалтерии, охранник грустным взором посмотрел ей вслед и опять уткнулся глазами в какую-то пеструю книжку. Муха со вздохом полез в карман и, вытащив оттуда шоколадный батончик, захрустел оберткой.

– Хочешь?

Охранник принял половинку батончика с некоторой опаской. Кто его знает, что тут такое рядом сидит? Очень возможно, что сейчас придет начальник охраны Володарцев и велит гнать москвича взашей или того пуще – цеплять наручники и сдавать в ментовку. А возможно, это сидит будущая «крыша» комбината, и тогда от собственного хамства хлопот не оберешься.

– Слышь, тебя как зовут? – спросил Муха.

– Лешка.

– Ты смотри! И я тоже Лешка. Ты откуда, тезка? Местный?

– Из Неяшева. Городок тут рядом.

– Большой?

– Да не. Два завода и горком.

– И чего заводы? Стоят?

– Один стоит, а другой работает. Пулеметы производит.

– А что, их покупают, пулеметы-то?

– Еще как покупают! Арабы всякие. Там, говорят, рентабельность тысяча процентов.

– А зарплату платят?

– Не-а.

Лешка взгрустнул, запихал в рот остатки батончика и со вздохом произнес:

– Там ваш банк сидит, московский. Ни хрена не платит, отец только тем и кормится, чего вынесет. Тебе, кстати, чего-нибудь такое не нужно?

– А что, например? – уточнил Муха.

– Ну... там не только пулеметы... «ПТУРСы». Пушки авиационные... Можно на заказ чего сделать...

– Подумаем, – сказал Муха и вытащил из кармана кожаной куртки баночку пива. – Хочешь?

Охранник поколебался, потом все-таки сказал:

– Не. У нас с этим строго. После работы – пожалуйста, а на месте – ни-ни.

– Ну и я не буду, – решительно сказал Муха, ставя банку на видное место. – Потом горло промочим, а? У тебя когда смена кончается?

– В восемь. У нас две смены – с восьми до двадцати и с двадцати до восьми...

Он грустно скосил глаза на баночку и вздохнул.

– А это самое, насчет «ПТУРСов»... – протянул Муха, – а с «Зари» у вас тоже все выносят?

– Не-а. Отсюда не выносят. Зачем? Здесь по семь тысяч платят. А вынесешь – выгонят.

– А на этом заводе, который пулеметный, не выгоняют?

– Еще как выгоняют. Они людей сокращают, чуть попался – вон.

– А чего ж крадут?

– А все равно не платят.

Некоторое время собеседники молчали. Муха, безразлично скосив глаза, смотрел на листок, прикрепленный к стене клетушки. На листке было вывешено расписание дежурств. Под двадцать третьим февраля, днем, когда был убит Нетушкин, значились две фамилии: «А. Каголов. М. Чаликов». Под сегодняшней дневной сменой значились те же фамилии. Только «М. Чаликов» был аккуратно перечеркнут, и сверху вписано: «М. Кураев».

– А лаборатория у Нетушкина где была – здесь или в институте?

– А институт, он здесь и есть. Вона, по дорожке пройдешь направо, за пустой цистерной, и там сразу институт. За одной колючкой были... Ой, Леха, у меня отец туточки служил, тут мухи без пропуска не летали, а теперь что? Разбазарили Россию...

– А в ту ночь, когда Нетушкина убили, он, говорят, допоздна работал? – спросил Муха.

– Он всегда допоздна работал. До полуночи сидел. Когда Санычев поздно сидит, у него водитель всегда под окном ждет. А Нетушкин водителя отпускал.

– И в тот раз отпустил?

– Да.

– А кто же его вез? Охранники?

– Нет, он на вахту позвонил, Мишка трубку снял – он говорит, что сейчас поедет. Ну Мишка водителя вызвал.

Муха про себя отметил, что он угадал точно. «А. Каголов» и был его собеседник Лешка.

– А Мишка сегодня дежурит?

– Не-а. Должен, только не пришел чего-то. Звонил, что болен. Грипп.

Муха добродушно сморгнул. Лешка опять посмотрел на баночку с пивом. Пива очень хотелось, но Лешка мужественно превозмог искушение. Было бы здорово, если б бандит оставил эту банку.

– А что, – спросил Муха, – у вас в городе кто самый крутой?

– Колун, говорят. Я его в телевизоре видел, щупленький такой, и не скажешь, что крестный отец...

– А он к вам не сватался?

– Не, что ты. Наезжали тут какие-то, говорили – от Спиридона. Во, представляешь? Ночью подъехали с бензовозом, окно вышибли и в караулку мазут с водой налили... Ни отмыться, ни вычерпать...

– А вы? – удивился Муха.

– А что мы? У нас всего оружия – два табельных ствола, а эти приехали с автоматами...

– И что?

– А ничего. Поглумились и уехали. А нам субботник пришлось устраивать.

– А чего Спиридон хотел?

Лешка лениво пожал плечами.

– А хрен его знает, чего он хотел. Это к начальству – чего он хотел. Наше дело маленькое – мазут вычерпать...

На широкой лестнице заводоуправления, украшенной бюстом Ленина, появился Валерий Нестеренко.

– Ну, привет, браток, – поднялся Муха, – увидимся вечером, а? За мной пиво и раки.

Два джипа у ворот согласно заурчали. Лешка смотрел, как широкая спина и бритая башка его добродушного собеседника исчезают за тонированным стеклом. «А че, душевный парень, – подумал Лешка, – не такой, как эти мудаки Спиридоньи... скорее, на колуновских ребят смахивает».

Глава 4

Любезные приглашения начальника областного УВД – это не тот аванс, который можно не уважить, особенно если после восемнадцати часов пребывания в городе на тебе висит труп, и труп при жизни был ментом.

Тарск был город довольно маленький – пятнадцати минут хватило бы, чтобы проехать столицу области насквозь, несмотря на ужасное состояние мостовых и обилие беспорядочно мигающих светофоров. Центр города, входящего в «Золотое кольцо», был довольно-таки ухожен: широкая площадь была вымощена брусчаткой, по правую руку от бывшего обкома стояли реставрированные торговые ряды, а перед ними, на обрывистом берегу речки Тары, вздымались белокупольные своды одной из самых старых российских церквей.

Каменные купеческие особняки на центральной улице города понемногу переходили в деревянные полтораэтажные домишки; когда-то они были двухэтажными, но сейчас весь первый этаж напрочь утоп в земле, и дома стояли, как крепенькие боровички, посматривая на проезжие машины перекосившимися крошечными окошками, за которыми виднелась неизбежная герань, жадно тянущая к солнцу бледно-зеленые веточки.

За деревянными домишками начинался новый центр – административные здания брежневской постройки, панельные пятиэтажки, и за ними – бетонные заборы немногочисленных заводов, старавшихся в основном на нужды оборонки и большею частью давно передохших.

Сазан невесело размышлял. Объяснение Санычева было похоже на правду. Как только ментовка увидела, что областной руководитель больше не корешится с заводом, она решила, что это хороший повод поставить завод на бабки. А как только Спиридон увидел, что Тарский химфармкомбинат остался без «крыши», он, в свою очередь, стал навязываться с услугами.

И все же – почему губернатор разругался с заводом? Решил, что завод должен заносить больше, чем он заносит сейчас? Или Санычев нахамил, сказал по пьянке что-нибудь типа: «В этой области все решаю я». Или дело просто в 17 августа – дате, после которой крепенький середнячок превратился в перспективного и самого крутого в области экспортера и стал вызывать у губернатора неконтролируемое слюноотделение?

Областное управление внутренних дел располагалось на узенькой улочке неподалеку от рынка. Около обшарпанного подъезда стояли два растрепанных «козла», да еще один «жигуль», готовившийся отдать богу душу, торчал, заехав колесом прямо на топкий газон, и чей-то обтянутый джинсами милицейский зад обреченно ковырялся в моторе.

У самого крыльца, подзагородив вход, стояла мощная вишневая «вольво», – машинка, судя по всему, принадлежала самому Молодарчуку или кому-то из его замов. Трое ментов курили на лавочке. При виде подъехавших джипов с московскими номерами они немедленно оживились, повернулись, как по команде, и уставились на высыпающих из них крепких парней. Валерий знаком велел своим ребятам оставаться у тачек и вошел внутрь.

Дверь в предбанник молодарчуковского кабинета была распахнута, в прокуренном помещении толпился народ. На покорябанном стуле у двери сидела женщина, чистенько и бедно одетая. По виду – типичная потерпевшая. Валерий невольно обратил внимание на пальцы женщины: белые и бесцветные, кое-где с мелкими ожогами от реактивов. Такие же пальцы были вчера у Игоря, когда он лежал в гробу.

– Вы с «Зари»? – спросил Валерий.

Женщина среагировала не сразу.

– А? Да.

И тут же повернула голову обратно, уставившись, как цыпленок, на закрытую дверь кабинета. В глазах ее, на секунду взглянувших на Нестеренко, плеснуло какое-то дикое неизбежное

горе. Валерий понял, что она даже не услышала вопроса, а ответила механически, как человек, разговаривающий по мобильнику, механически продолжает вести машину.

Внезапно Валерий обернулся. В коридоре, напротив распахнутой двери предбанника, стояли трое ментов. Двое глядели на него с любопытством. Третий оперативник был совсем молодой, года на три моложе Валерия, – худой вихрастый парень в пушистом свитере и старых джинсах. Джинсы были перетянуты толстым кожаным ремнем с огромной стальной пряжкой так, что юношеская худоба опера еще больше бросалась в глаза. Оперативник словно ошупывал Валерия глазами: так домохозяйка придирчиво вертит и щиплет на рынке тушку забитой индейки: да не стара ли? Да подойдет ли семье на праздник?

Друг убитого опера? Родственник? Или просто человек, который ну очень не любит молодых людей в хороших костюмах и на черных джипах? Сазан полностью отдавал себе отчет, что при малейшем милицейском желании он выходит убийцей мента и идет по статье, как миленький...

Дверь из кабинета Молодарчука распахнулась. На пороге стоял полковник собственной персоной. Молодарчук был разъярен. Лицо его пылало праведным гневом. Перед ним испуганно отступала тощая девочка лет тринадцати.

– Да я тебя! – орал Молодарчук. – Да ты сама им дала, а теперь хвостом вертишь! Вон отсюда! Шлюха малолетняя!

Женщина и мужчина изумленно вскочили на ноги.

– Олечка! – сказала женщина.

Полковник стремительно обернулся.

– Забери свою шалаву, и чтоб я тебя больше здесь не видел! – рявкнул Молодарчук. – У нормальной бабы девка по подворотням не шляется!

– Григорий Ефимыч... – спокойно начал молодой опер, тот самый, который только что разглядывал Валерия.

В эту минуту Молодарчук оглянулся и встретился глазами с Нестеренко.

– А... Э... Валерий Игоревич... Вы уже здесь? Погодите секундочку... то есть...

Два мента, грамотно взяв ошеломленную мать в коробочку, уже выводили ее в коридор. Молодой опер все так же стоял у притолоки.

– Заходи.

Валерий, оглянувшись на плачущую девочку, последовал за полковником.

Кабинет полковника Молодарчука отнюдь не напоминал клетушки, в которых ютились его подчиненные. Паркетный пол, строгие импортные шкафы, безукоризненная отделка стен и стеклопакеты в окнах сделали бы честь любому средней руки офису. За окнами открывался роскошный вид на реку, под собранным из стальных спичек мостом неторопливо проплывала желтоносая баржа.

Валерий, не дожидаясь приглашения, сел в одно из покойных кресел, расставленных вдоль стола для совещаний. Полковник, поколебавшись, опустился напротив.

– Нет, просто черт знает что такое! – с запоздалым негодованием воскликнул Молодарчук. – Сначала шляются неведомо где, лезут к парням, а потом, чуть что, позорят хороших людей!

Валерий молчал. Уголок рта Молодарчука дернулся, пальцы выбили на столешнице нервную дробь. Нестеренко сидел абсолютно неподвижно и расслабленно, и эта неподвижность собеседника невольно заставляла полковника нервничать, восполняя недостаток чужих движений избытком своих собственных.

Внезапно Молодарчук встал, растворил дверь кабинета и крикнул:

– Лерочка, кофе и коньяк.

Потом вернулся и снова сел напротив Валерия. Глаза Нестеренко, казалось, неторопливо изучали обстановку кабинета, красивую белую грамоту с золотой окантовкой – личную благодарность Анатолия Куликова за чего-то там проявленное и оказанное.

– Н-да, нехорошо-то как вышло, – с досадой сказал полковник.

– Что – нехорошо?

– Ну вы сами понимаете, Валерий Игоревич. У нас город спокойный, тихий. А вы... в первый же день... и не кого-нибудь, а сотрудника милиции... из иностранного ствола...

– Ваш сотрудник находился при исполнении обязанностей? И если да, то у него не странные ли обязанности – мочить заезжих бизнесменов из незарегистрированного «ПМ»?

Полковник поколебался.

– Ну зачем вы так, Валерий Игоревич. Я... я совершенно непредвзято... Но... – полковник замолчал. Руки его бесцельно бродили по полированной поверхности стола. Внезапно полковник сощурился и поинтересовался:

– Кстати, я так понял, что вы нашли общий язык с Демьяном Михайловичем?

– Директором? Я бы не сказал. Просто любопытствовал у него, кто убил Игоря.

– И что он ответил?

– Я боюсь, что вашей версии – насчет иностранных шпионов, загубивших русского ученого, – мы не обсуждали.

– Видите ли, – вкрадчиво сказал полковник, – у нас не лучшие отношения с руководством комбината. К ним предъявили какой-то иск, насколько я понимаю, вполне справедливый, они отказываются платить по своим обязательствам и винят в этом областное УВД. Довольно дикая логика.

– При чем здесь я? – спросил Сазан.

– Насколько я понимаю, вы могли бы повлиять на директора.

– Повлиять в каком смысле? – безжалостно уточнил Валерий.

– В арбитражном суде области лежит апелляция завода по иску ТОО «Бенарес» о взыскании задолженности по векселям. Чем дольше Санычев будет сопротивляться, тем больше пеней и штрафов придется ему платить.

Валерий помолчал.

– Иными словами, в случае, если Санычев не заплатит по иску, вы арестуете меня за убийство сотрудника милиции?

– На меня есть определенное давление, Валерий Игоревич. Это ваша задача – доказать, что я должен ему противиться.

– А если я повлияю на руководство комбината?

Полковник помолчал. Потом внезапно подошел к сейфу, открыл дверцу и бросил на стол перед Валерием довольно толстое дело. Валерий раскрыл было папку, но полковник проворно потянул ее к себе

– Что это?

– Дело об ограблении АОЗТ «Ласточка».

– И кто же его ограбил?

– Ограбили трейлер с видеотехникой. Трейлер увели, одного из водителей убили. Сделали это люди некоего Спиридона, личности в нашем городе довольно известной. Но...

Полковник сделал несколько театральную паузу.

– Одним из главных подозреваемых по делу проходит Лесько Андрей Никитич, оперуполномоченный пятого отделения. Тот самый, которого вы застрелили.

– Что значит – одним из главных?

– Есть показания, что водителя убивал именно он И что угрожал владельцу «Ласточки» тоже Лесько.

– Классные вы себе кадры набираете, – осклабился Сазан.

– В семье не без урода, Валерий Игоревич. Но вы понимаете, что я в довольно сложном положении. С одной стороны, ордер на арест Лесько был практически подписан. Капитан Царьков, который вел это дело, проделал безупречную работу. С другой – меня теперь могут не понять. Меня могут вызвать в Москву и сказать: «Григорий, у тебя что, крыша поехала? Заезжий... гм... заезжий авторитет мочит на ступенях гостиницы оперативника, который в первый раз его видит, а ты после этого авторитета отпускаешь, а на мертвого опера вешаешь ограбление трейлера? Ты сколько за это получил, а?»

Полковник помолчал.

– Это очень тяжелая для меня ситуация, Валерий Игоревич. Поймите, очень тяжелая... Я готов пойти вам навстречу. Закрывать глаза на некоторые моменты... Но пойдите навстречу и вы мне – вы понимаете меня?

Валерий понимал. Он понимал вполне, что чувствовала в этом кабинете полчаса назад тринадцатилетняя девочка, которую изнасиловали несколько подонков и которой товарищ полковник, то ли от неохоты портить отчетность, то ли от нежелания ссориться с кем-то высокопоставленным, заявил, что она сама шлюха. Вот только пусть Молодарчук не думает, что Валерия Нестеренко так же легко развести, как тринадцатилетнюю пацанку.

Валерий вежливо развел руками.

– Понимаю.

Молодарчук удовлетворенно кивнул и, нажав кнопку интеркома, велел:

– Лерочка, Царькова ко мне.

Спустя несколько минут в кабинет вошел тот самый худощавый молодой опер, который в предбаннике ел Валерия глазами.

– Вот, Яша, познакомься, – сказал Молодарчук, – это Валерий Нестеренко. А это Яша Царьков. Гроза окрестных бандитов и гордость нашего УВД. Лично Петрашева брал, был у нас такой кадр, владелец автозаправок и кандидат в областные депутаты...

Опер молча глядел на Нестеренко. Любезности в его взгляде было не больше, чем мяса в лагерной баланде.

– Я думаю, Яша, – сказал Молодарчук, – что ты дело Валерия Игоревича возьми себе и объедини с делом об убийстве Ткачикова. Сними, в общем, с человека показания и все такое прочее.

Опер механически наклонил голову.

– Пойдемте, Валерий Игоревич, – с подчеркнутой вежливостью сказал он.

В крошечном кабинетике Царькова (судя по количеству столов, опер явно делил его еще с двумя коллегами, но те куда-то задевались) сидела та самая полная женщина, которую полчаса назад Валерий видел в предбаннике Молодарчука. Дочки при ней уже не было: перед женщиной стоял стакан крепкого чая, и она растерянно смотрела в черную жидкость, как в иностранную непонятными словами написанную книгу. При виде Валерия женщина привстала.

– Яков Иванович, мне, пожалуй, пора.

Царьков коротко кивнул. Женщина бочком вышла из кабинета. Царьков молча прошел к столу, раскрыл ящик и вынул оттуда завернутый в бумажку бутерброд – грубо нарезанный кусок хлеба, прикрытый розовым кружком колбасы.

– С утра не ел, – сказал Царьков в качестве объяснения, – извини, тебе не предлагаю. Ты в ресторации семгу покушаешь.

– Тут в двух кварталах отсюда кабак есть. «БизнесменЪ» или что-то в этом роде. Почему бы не пообедать по-человечески?

Царьков очень холодно оглядел Нестеренко.

– Я за поляну накрытую не продаюсь, – хмуро сказал мент. – Чайник включи. Там, позади тебя.

Чайник был древний и алюминиевый, с белесыми подтеками вокруг носика. Валерий воткнул его в розетку, и между штепселем и стеной проскочила крупная голубая искра.

– Что с девочкой? – спросил Валерий.

– А тебе какое дело? Это же не убийство главного технолога завода. Завод можно под «крышу» прибрать, а тут чего прибирать?

– Что случилось с девочкой?

Опер отхватил белыми зубами сразу половину бутерброда.

– Девочка вышла в булочную. Когда вернулась, застала во дворе шумную компанию. Компания праздновала день рождения некоего Олега, он на два года ее старше, одноклассник брата. Ребята пригласили девочку покататься. Описывать подробности?

– Травмы были?

– Множественные разрывы половых органов. Ушибы на внутренних частях бедер. Напоследок им очень туда бутылку захотелось засунуть, в наказание за непримечательное поведение. В отношении Олега это второй такой случай. Первый кончился тем, что отец заплатил семье тысячу долларов и пригрозил, если что, сжить со свету.

– Кто отец?

– Отца зовут Станислав Ковальский. Это первый заместитель Григория Ефимыча.

Опер запихал в рот остатки бутерброда, отряхнул руки и тщательно счистил крошки со свитера.

– Кто участвовал в этом, кроме Олега Ковальского?

– Не строй из себя защитника обиженных, Валерий Игоревич. У тебя это не лучше получается, чем у моего начальства. С которым ты, кажется, договорился.

– О чем? – поднял брови Валерий.

– Могу только догадываться. Всего-то и надо для конца карьеры Лесько, чтобы его заезжий авторитет у гостиницы грохнул...

– А мне сказали, он был накануне ареста

– Он месяц накануне ареста. Я каждый день хожу к Молодарчуку и показываю ему бумаги. А мне: «Ну что ты говоришь! Заслуженный работник! Высокая раскрываемость! Вон, Серого взял...»

– А как он Серого взял?

– А так и взял, что забил Серый Спиридону стрелку, поехали они за город хлестаться из автоматов, Спиридон явился без оружия, а Серый повез на шесть человек пять «АКМ» и один «Стечкин». Приехала милиция, Серого повязали, Спиридона отпустили, поскольку Серый с железом, а Спиридон пустой. Расклад понимаешь?

– Понимаю.

– Сам такие вещи не делал?

– Не делал.

– Ну да. Вас послушать, так все вы ангелы, а не бандиты...

– Какой я бандит, а? – спросил Сазан. – Я простой скромный предприниматель, который приехал на похороны друга... А что все-таки там случилось? С этим опером и водителями?

– Трейлер был один, водителей два. Одного пристрелили, другой сбежал.

– Как?

– Чудом. Когда стрельба началась, он вырвался, побежал. Там такое место было узкое: лес, с одной стороны, коряги, с другой, болото. Они его ранили, бок прострелили, плечо, он – по болоту, упал, опять побежал... В общем, они его напарника тут же в болоте и утопили, а он через несколько часов на дорогу выполз. Просил, чтобы его в больницу не везли...

– Почему?

– Потому что напарник Лесько узнал.

Сазан поднял брови.

– Зачем Спиридон угонял трейлер?

– Да там сложнее была комбинация. Спиридон этой «Ласточке», Котельников у нее хозяин, в «крышу» набивался, тот отказывался... Ну Спиридон его решил развести. Нашел некоего Жмуркова, своего подопечного бизнесмена, тот вместе с хозяином «Ласточки» деньги вложил в трейлер с техникой. Жмурков все знал – маршрут трейлера, время прибытия... Спиридон свой же трейлер грабанул, потом приходит к барыге, тычет ему в морду стволом и начинает верещать, что барыга сам себя обнес, чтобы Жмуркову денег не платить. Отвозит Котельникова в подвал и требует от владельца «за долг» фирму на себя переписать...

Опер помолчал.

– Дело как раз Лесько поручили вести. Ну тот, естественно, горячо поддержал версию любимого шефа насчет того, что владелец сам себя грабанул... Даже был такой замечательный эпизод, что Котельников из этого подвала как-то выпутался и в милицию прибежал – и тут по распоряжению Лесько попал в камеру... Ну тот увидел, что дело плохо, какими-то путями на меня вышел. Мне тоже показалось, что история пахнет дурно. Я мозгой немножко пошурупил и отловил эту технику в соседней области.

– А водитель?

– А водителя мы уже потом нашли. Сначала я технику отловил. Потом человека, который ее продавал, это как раз кореш Спиридона оказался. Ну я этого товарища вот на этом самом месте, где ты сидишь, три часа обрабатывал.

– Чем?

– Ласковыми словами, Валерий Игоревич. На вашу братию ласковые слова особенно хорошо действуют... Только вот стул под ним три раза ломался... Ну вот. А когда человек Спиридона раскололся, мы еще двоих взяли. Те про убийство рассказали, сказали, что одного у Серого брода утопили, а второй вроде бы дальше утоп. «Точно, – спрашиваю, – утоп?» «Точно, – говорят, – в больницах его нет, дома тоже, мы проверяли на всякий случай...» Ну я опечалился, а все же стал искать. И вот через неделю нахожу его в одной здешней деревеньке, у двоюродной сестры его бабушки... Повезло парню дважды. И что сбежал, и что ребята, которые его подобрали, вошли в его положение. Не в больницу повезли, а куда попросил. А то бы его точно в больнице Спиридон убрал.

– И он дал показания?

– Подробнейшие. Рассказал, как их тормозили. Он и останавливаться-то не хотел, а его напарник говорит: «Стой, это мент, я его знаю, он напротив меня живет».

Опер помолчал.

– Я сначала думал, что напарник с бандитами в сговоре был, а потом решил проверить. Действительно, проверяю – да, жил напротив напарника мент. Лесько Андрей Никитич. Тащу раненому пачку фотографий: «Нет ли тут мента?» Тот уверенно на Лесько тычет... А у меня уже и раньше были подозрения. Но что он же и в водителя стрелял – этого я, конечно, не думал. Просто уж больно он нагло прессовал барыгу, а жалоб на него было достаточно.

– А какие жалобы?

– Проза жизни. С наркоторговцев собирал налог. Машину «опель» завел. У жены пельменная образовалась, и весьма темным путем. Не особенно зажиточен был покойник, но шибко червив.

– А под кем сейчас АОЗТ «Ласточка»? Под Спиридоном?

Опер усмехнулся.

– Интересное у нас с вами снятие показаний, Валерий Игоревич. Не то я с вас снимаю показания, не то вы с меня...

Опер полез короткими пальцами в карман, вытащил оттуда смятую коробочку «Явы», досадливо раскрыл...

– А черт, пустая!

– Держи мои.

Царьков неприязненно взглянул на раскрытую пачку «Мальборо».

– Нет уж, спасибо. Вы курите ваши предпринимательские, а я наши ментовские... Так на чем мы остановились?

– На том, под кем ходит «Ласточка».

– «Ласточка» на данный исторический момент не ходит ни под кем. И ведет переговоры с человеком по кличке Колун, известным, в отличие от Спиридона, тонкостью обхождения.

– Это правда, что Спиридон наезжал на «Зарю»?

– Да. История очень похожая на «Ласточку». На «Заре» три года назад Сыч сидел. Водку гнал. Спиридон, говорят, своего шефа и убрал, а теперь вдруг возник и «Заре» стал предьявлять: в натуре, мол, это вы моего верного наставника и учителя загасили.

– А кому принадлежит Кубеевский льнокомбинат?

– А вот Колуну и принадлежит.

– Кто таков?

– Колун у нас большой человек, – сказал Царьков. – Колун у нас теперь уже не Колун, а Семен Семеныч Колунов. Наглядная иллюстрация к тому, что, если ты начинал с того, что бил морды задолжавшим барыгам, это еще не значит, что венцом твоей карьеры будут малиновый пиджак и золотая цепь.

Царьков приостановился и внимательно оглядел своего собеседника, словно подчеркивая взглядом, что на том тоже вышеозначенных аксессуаров не наблюдается.

– Семен Семеныч у нас тоже ратовал в бригаде Сыча, как и Спиридон. После смерти Сыча бригада распалась на три части. Спиридон, Колун и некто Федорка. Федорка блокировался было со Спиридоном, но его вскоре шлепнули. Оставшиеся бойцы перебежали к Спиридону, и отношения Спиридона с Колуном с тех пор были далеки от идеальных. Такова, во всяком случае, официальная версия.

– А неофициальная?

– Видишь ли, у нас Колун очень хорошо поднялся за полтора года. Это практически самая крупная группировка в области. Азеры тут были, чечены – ото всех ни следа не осталось. Чуть кто Колуну поперек дороги был, так либо вылавливали с батареей парового отопления на шее, либо вообще не вылавливали. Так вот, Спиридон должен быть крайне антипатичен Семену Семеновичу. И пещерным уровнем развития, в отличие от Колунова. И происхождением из одной и той же бригады. И, казалось бы, это должно кончиться все той же батареей на шее. Но ничего подобного не наблюдается. Напротив, наблюдаются барыги, которые тихо и мирно занимаются своим бизнесом, пока на них грубо и нагло не наезжает Спиридон. И что характерно – после этого они оказываются не под Спиридоном, а под Семеном Семенычем, к которому бегут с плачем и соплями и которого величают после Спиридона спасителем, умницей и тонким человеком.

– Как, например, АОЗТ «Ласточка».

– Ага. Как АОЗТ «Ласточка»... И вот, кстати, еще один любопытный факт. Вся эта история с «Ласточкой» фактически дает повод для ареста Спиридона. Потому что у меня есть бригадир Спиридона, который участвовал в убийстве, и у меня есть его показания, что убийство заказывал Спиридон. Ну понятно, он их дал не раньше, чем ему в противогаз нашатыря напустили... И когда я прихожу к начальству и прошу закрыть Спиридона, то начальство просит час на размышление. А по истечении часа оно меня вызывает и начинает рассуждать на предмет того, что показания мои добыты с применением насилия и в суде все развалится, как картонный домик.

Опер помолчал.

– Странная ситуация, а? Я прошу закрыть известного беспредельщика. Казалось бы, начальство должно только радоваться. Учитывая, что на последнем чемпионате области по

вольной борьбе начальство сидело стул о стул с Семеном Семенычем Колуновым, оно должно радоваться особенно. А начальство, поразмыслив, говорит мне «нет»... И оно говорит «нет» с такой убедительностью, что на следующий день ко мне в окно, в мое отсутствие, влетает граната и разносит дома последнюю табуретку. Спрашивается, если начальство с кем-нибудь советовалось по поводу моей напористости, так не с отморозком же Спиридоном? Я во многом готов родное начальство заподозрить, но только не в общении с отморозками.

Сазан усмехнулся.

– И зачем ты мне это рассказываешь?

– Вы мне не тыкайте, Валерий Игоревич. Я не ваша «шестерка». А рассказываю я это потому, что мы с вами в очень похожей ситуации оказались. Я помешал Колуну прибрать к рукам АОЗТ «Ласточка» да еще такого кадра, как Лесько, спалил! И ко мне домой влетела граната. А вы...

– Комбинат «Заря».

– Совершенно верно. Хочешь, я тебе скажу, кто такой Спиридон у Колуна? Внештатный киллер.

Глаза опера сверкнули нехорошим блеском.

– А еще я это потому тебе рассказываю. Валерий Игоревич, что я вашу кофлу до смерти не люблю. И если я не могу даже Спиридона посадить, так я хотя бы полюбуюсь, как ты с Колуном сцепишься...

– Как зовут водителя? – спросил Сазан.

– Решетов, Иван.

– Он где сейчас?

– Неделю назад перевезли в городскую больницу.

– Я хочу поговорить с ним.

Опер подумал.

– Ну что ж... поехали.

***

Черный «хаммер» с заведенным мотором терпеливо ждал хозяина у порога, и Лешка Муха стоял у задней дверцы и мирно беседовал с двумя операми в штатском.

Валерий жестом пригласил Царькова в джип, но тот только покачал головой. В больницу ехали на двух машинах: Царьков на дряхлом «газоне», Валерий – на «хаммере».

– Все в порядке? – спросил Муха, когда джип отвалил от подъезда УВД.

– Да, – кивнул Сазан.

– Под подписку о невыезде?

– Под обещание выбить с комбината пятьсот штук.

– Какие пятьсот штук?

– Которые с него требует фирма начальника УВД. По вексялям, внесенным в «черный список». Кстати, красивая схема, приедем в Москву, подтяни юристов, проработаем вопрос. Неплохие бабки можно с людей снимать...

– Ты что, собираешься даром людей кидать?

– Даром это только менты могут. Честный человек за такое тут же пулю словит. А если кто нагадил, вполне ему можно оборотку сделать... Так что если я тихо и мирно, со всем приущим моей профессии так-том, объясняю Саньчеву, что ему лучше заплатить ментам пятьсот больших рублей, тогда окажется, что мирный коммерсант убил продажного мента, который служил некоему Спиридону. А если нет – тогда следствие примет все меры к тому, чтобы

убедить суд, что залетный московский бандит пристрелил при невыясненных обстоятельствах стража порядка...

Муха помолчал. У Валерия он был на особом счету, пользовался безграничным доверием босса и не далее как два месяца назад получил в награду крупный автосалон, где торговали угнанными из Европы и мастерски прилизанными иномарками.

– Спиридон – это который наезжал на комбинат?

– А ты откуда знаешь?

– Да уже рассказали.

– А про Колуна не рассказали?

– Нет. Кто такой?

– Хозяин Спиридона. Классическая разводка. Отморозок Спиридон тычет в нос пушкой, а Семен Семеныч Колунов собирает плоды его трудов... Н-да... Мне с самого начала история Санычева не понравилась. Какой-то пробитый спортсмен наезжает на жемчужину областного бюджета, а ментовка при этом даже не морщится.

– А Санычев что, про Колуна не знает?

– Все он знает, собака эдакая. Просто у него на бандитов аллергия.

– С чего бы это? – искренне обиделся Муха.

Валерий откинулся на подушки и замолчал.

После беседы в милиции, несмотря на все ехидство опера, клиническая картина представлялась весьма ясной. Был отморозок Спиридон, зарившийся на комбинат и получивший от Игорька по роже, и был прикупленный мент Лесько, которого использовали в нехитрой комбинации, чтобы развести несчастного владельца «Ласточки».

Мент, судя по всему, доживал на свете последние дни. Трудно сказать, работал ли он именно на Спиридона или прямо на Колуна, но наверняка он знал о заведенном на него деле и прибежал к хозяину с просьбой о спасении. А хозяин сообразил, что отработанный материал можно использовать в последний раз, и поставил вопрос ребром: ты мочишь заезжего москвича, получаешь бабки и отваливаешь... Сто к одному, что бравого опера грохнули бы тут же, как только он пристрелит Нестеренко. Спалившийся мент Спиридону ни к чему.

Нестеренко поморщился. Если все было так, то он оказался в чертовски нехорошей ситуации. Он сорвал самому могущественному человеку области крутую разводку. Колуна можно было уподобить огороднику, который долго и тщательно ухаживал за высаженным на участке диковинным растением, поливал его, обрезал, привязывал к колышку. И вот, накануне того дня, когда перезревший плод должен был упасть в его руку, прискакал соседский мальчишка, перелез через ограду и сорвал диковину. Что делает садовод с таким мальчишкой? Правильно – он выскакивает из дома с заряженным солью ружьем...

Сегодня утром сломленный похоронами Санычев должен был бы, по сценарию, жаловаться на Спиридона, милицию и губернатора не заезжему москвичу, а Семену Семенычу Колунову.

Когда джип уже подъезжал к больничке, Муха осторожно тронул Сазана за здоровое плечо.

– Слушай, я вчера забыл сказать. Этот швед Гертцки тоже остановился в заводской гостинице.

– Ну и?

– Он не один. С ним пара юристов, один немец, другой русский еврей из Америки.

– Ну и что?

– Странно как-то. Член совета директоров фармацевтической компании приезжает на похороны юного русского гения и прихватывает двух юристов. Надгробную речь они ему, что ли, редактировать будут?

***

Перед дверью палаты сидел полусонный милиционер в бронежилете и с автоматом. При виде Нестеренко милиционер оживился было и приподнялся, но тут же заметил опера и приветственно махнул рукой.

– Яков Иваныч! Проходите.

Иван Решетов не спал: на стук двери больной повернул голову, и Валерий увидел молодое белобрысое лицо с высокими скулами и смешно поднятыми бровями. Водителю было лет двадцать, судя по всему, паренек только-только пришел из армии или вовсе в ней не служил.

– Здравствуйте, – сказал Решетов, обращаясь к оперу.

Валерий молча уселся на единственный бывший в палате стул. Парень с искренним деревенским любопытством наблюдал за ними. Видно было, что что-то в одежде неожиданных визитеров, в их модных плащах и белых рубашках смущает его, но парень был слишком не искусен, чтобы рассудком понять, чем тройка от Армани отличается от джинсов со свитером.

– Привет, Ваня, – сказал Сазан. – Ты уж извини, если помешали. Ты как себя чувствуешь? Разговаривать можешь?

– Да.

– Ты расскажи Валерию Игоревичу, что с тобой случилось, – слегка напряженным голосом проговорил опер.

– Да я уж рассказывал. Вон Яков Иваныч...

– А ты еще расскажи.

Валерий вынул из кармана небольшой магнитофон и демонстративно щелкнул клавишей.

– Ну... мы ехали из Гданьска. Через всю Польшу, Белоруссию, потом через Смоленск. В общем, без происшествий доехали. Хороший рейс был. Даже денег не так много ментам отдали. Ну а когда к городу подъехали, смотрим, стоит обычная «шестерка» и в болоте завязла. Вокруг несколько человек бегают... До дома километров тридцать осталось, и место такое нехорошее – болото и лес. У нас вообще инструкции – не останавливаться. Я говорю Сережке, что мне это не нравится, и помповик достал. У нас с собой был помповик на всякий случай. А ребята эти наперерез бегут и руками машут. Сережка сначала напрягся, а потом как заорет: «Тормози!» Это, мол, мой сосед и еще в ментовке работает. Он, мол, меня заebet, если мы не остановимся. Ну... мы и затормозили...

Ваня замолк.

– А потом?

– Ну, он вышел, а я в машине остался. Этот сосед ему навстречу идет, его вроде так обнимает... У меня в руках помповик был, я перегнулся и этот помповик на место стал класть. И тут вдруг в машину с другой стороны суется рожа, и у нее в руке ствол. «Вылезай».

– А ты?

– А у меня еще помповик в руке, понимаете? Он его не видит, потому что он так косо за сиденьем, он только мою рожу видит. Ну я сразу подумал, что нас сейчас убивать будут. Ну и спустил курок...

– Попал?

– Да. В бедро. Его эдак подбросило, он тоже выстрелил, мне в плечо попало, но я даже не почувствовал. Мне бы взять и уехать... но я... в общем... не знаю... То ли мне показалось, что они меня нагонят, там уже сзади «Волга» остановилась, то ли... в общем, я мало соображал. Кувырком из машины – и в лес.

– А помповик?

– Помповик я с собой взял. Прямо как сжимал, так с ним и побежал. Тоже, конечно, дурень, лучше бы я пистолет у бандита взял. Бегу и ору как резаный. Слышу – стреляют. Я оглянулся, вижу – Сережка тоже ребят пошвырял и за мной скачет. А у них у троих пистолеты были. И у этого, соседа, в том числе. Они стреляют, только попасть не могут. А сосед рядом стоит, ничего не делает. Потом как заорет: «Мать вашу, уйдут!» Выскочил к канаве и стреляет. Сережка сразу носом навернулся и в болото... Тут я бросил все, прыгаю по кочкам, а они за мной. Один раз попали, я ружье бросил и, как заяц, – в ельник, потом опять в болото... Час, наверное, в салки гонялись. Потом они как-то отстали, Я уж и забрел неведомо куда. У нас тут леса до самой границы, можно три дня ходить и никуда не выйти. У меня в деревне неподалеку бабка родилась, Семякино деревня называется. Они, наверно, решили, что я сдох. Потом уже я шел, не помню сколько. Помню только, что совсем стемнело. Слава богу, ночь лунная была. Я по деревьям шел, смотрел, какой стороной мох растет. Я так думал, что шоссе на севере. Вышел, в канаву возле дороги лег. А машины мимо едут, и ни одна не останавливается. Наверное, думают, что пьяный. Я тогда куртку снял, на дорогу бросил и опять рядом лег. И рукой машу. Несколько машин проехало, я сознание потерял, очнулся уже в автобусе. Совхозный такой «пазик», в нем всего двое. Один – водитель, другой надо мной хлопчет. «Сейчас, – говорит, – в больницу довезем, в Семякино». А я говорю: «Не надо в больницу, меня там убьют, отвезите к тетке. К Инне Львовне». Она мне не тетка, а бабка двоюродная, но я ее всегда тетей звал. Если бы это не семякинские были, мне бы, наверно, конец. Мало ли что бы подумали, если раненый, значит, бандит какой... А они вдруг спрашивают: «А ты не Маринкин ли внук?» Ну я говорю, что да. И они меня к тетке отвезли.

– Это когда было?

– Да давно уже. Недели две назад. У меня рана стала гноиться, тетка говорит: «Давай отвезем тебя в больницу», а я говорю, что мне нельзя в больницу. «Помрешь», – говорит, а я отвечаю, что так, может, и не помру, а в больнице точно убьют. Она к матери поехала, приезжает обратно, глаза вот такие: «Ваня, тебя милиция ищет, к матери домой приходили, и мент точно такой, как ты описывал. Говорят – за грабеж трейлера...»

Ваня помолчал.

– Ну тут уж и она поняла, что мне нельзя в больницу. Я уже совсем загибался. Все. Из раны воняло... Потом очнулся, смотрю: я здесь, а около кровати мент сидит. Все, думаю. Сейчас убьют. А он мне фотографию этого Лесько показывает. «Узнаешь?» – говорит. «Узнаю». – «Лежи, – говорит, – спокойно, поправляйся, тут тебя никто не тронет, тебя круглосуточный пост будет охранять». А этого мента поганого мы судить будем показательным судом...

Ваня замолк и с интересом оглядел своего собеседника.

– А вы из Москвы будете, да? Небось полковник?

Валерий пожал плечами.

– Нет, я не полковник. Значит, ты видел, как Лесько стрелял?

Ваня чуть заметно поколебался.

– Да. Я видел, как он стрелял. Другие стреляли и не попали, а он попал.

– Но ведь ты в это время бежал в лес. А стреляли за твоей спиной.

– Я оглянулся.

– И видел, что Сергея убил именно Лесько?

– Да.

– И ты готов это подтвердить на суде?

Опять чуть заметное колебание.

– Да. Он гад. Он хуже бандитов. Если бы не он, мы бы никогда не остановились. Его... его поставили закон защищать, а он соседа... Серега ему забор чинил, я знаю, ко мне мать Серегина приходила, рассказывала...

В коридоре началось какое-то шебуршение. Опер подошел к двери и распахнул ее. В палату вошли двое парней Сазана. У одного в руке был пластиковый пакет, у другого – большая плетеная корзина с фруктами. Глаза Ивана удивленно расширились при виде свежей черешни размером с голубиное яйцо – был конец февраля, черешня нигде не поспела и наверняка была привозной и невообразимо дорогой.

– Это мне? – недоверчиво сказал Иван.

– Тебе, – кивнул Валерий. – Вот познакомься. Это Серега, а это Сашок. Они тоже тебя будут охранять. Вместе с милицией. Если у тебя какие желания, телевизор, там, в палату или еще что, ты им скажи. Поправляйся и не забудь того, что ты видел, как Лесько стрелял в Сережку.

Иван растерянно переводил глаза с черешни на плотных, крепких ребят, которые уже не напоминали залетного московского «полковника», зато точно смахивали на братков сродни тем, что тормозили его трейлер.

– Не дрейфь, Ваня, – сказал опер. – Все будет хорошо.

И, повинувшись кивку Валерия, вышел из палаты.

Спускались они молча, гуськом. У самого выхода Валерий обернулся.

– Ты хорошо его натаскал, – сказал Валерий.

– О чем ты?

– Он не мог видеть, как Лесько стрелял в его товарища. Он бежал в это время, как заяц. Если бы он стоял и глазел назад, его бы просто тут же ухлопали...

– В Сергея попало три пули, – ответил опер, – одна, из китайского «ТТ», в руку. И две другие, тоже из китаезы, но в голову. Там было трое со стволами. Двое никогда даже в армии не были, наркоманы паршивые, отморозки. А Лесько стрелял отлично. В этом вы, кажется, сами чуть не убедились... А сейчас, когда Лесько мертвый, эти двое тоже будут показывать на него.

– Ты хорошо натаскал этого парня, – повторил Сазан.

***

В ментовку они вернулись тем же порядком: Царьков на патрульной «канарейке» и следом – Валерий в джипе. На этот раз в кабинете оказалось довольно народу: один пожилой опер сидел на подоконнике и чистил табельное оружие, а еще двое, усевшись на стол, оживленно обсуждали ведомственные новости. В углу мерно всхрапывал неисправный чайник.

При виде Нестеренко, вошедшего в кабинет вслед за Царьковым, они разом замолчали и уставились на посетителя. Худощавый тридцатилетний парень в безупречно сшитом костюме и белой манишке так же разительно отличался от большинства постояльцев кабинета, как новенький шестисотый «мерседес» от ржавеющей на обочине «Запорожца».

– Знакомьтесь, – с брезгливыми нотками в голосе сказал Царьков, – Валерий Игоревич Нестеренко, из Москвы к нам. Уже успел отличиться... А это Санька, он, между прочим, в штаб по раскрытию убийства Нетушкина входит.

– Без охраны ходите, Валерий Игоревич? – с усмешкой спросил Санька – сорокалетний опер с испытанным лицом.

– У него охраны целый джип на улице, – ответил Царьков, – если бы Нетушкина так охраняли.

– А какая по поводу Игоря официальная версия? – спокойно спросил Сазан.

– А ты сегодняшних газет не читал? Там очень все интересно написано про происки иностранной разведки.

– А если без газет?

Санька пожал плечами.

– А если без газет, то это уж как начальство договорится с Спиридоном. Оно у нас стоворчивое, начальство-то.

– Значит, по-твоему, Игоря убили по приказанию Спиридона?

Санька с Царьковым очень пристально смотрели на залетного московского гостя.

– Похоже на то.

– А кто конкретный исполнитель? Лесько?

– Не знаю, – сказал Царьков, – мы еще Лесько на предмет того, что он делал двадцать третьего, не проверяли.

– А чей был серый «опель?» – спросил Сазан. – Угнанный?

– Нет. Машина зарегистрирована на тещу Лесько. Он на ней по доверенности ездил.

Валерий слегка поднял брови.

– Видать, спешили братки-то, – усмехнулся Царьков, – ты когда в город приехал?

– Около четырех.

– Ну вот, видишь. А через шесть часов в тебя уже стреляли. Некогда при таких-то темпах машины угонять.

– А ствол откуда?

– Уточняем, – это был хмурый Царьков.

– Он, этот ствол, уже наследил при одной разборке, – сказал Санька, – из него два месяца назад на дискотеке одного парня ранили.

В кабинете наступила тяжелая тишина. Три опера смотрели на хорошо одетого москвича. Так дворовые псы смотрят на случайно забежавшего в палисад волка.

– Да, гражданин Нестеренко, – сказал Царьков, – пойдете в соседний кабинет, я с вас сниму показания, как в вас стреляли, и езжайте-ка вы себе подобру-поздорову, поскольку закрывать вас указания не было. Небось, проголодались уже. Осетринка вас ждет в кабаке.

Валерий, пожав плечами, шагнул за Царьковым из кабинета. Опера даже не поднялись из-за стола с газеткой и водкой.

***

Валерий вышел из здания милиции около часа дня. Яркое весеннее солнце заливало улицу, отражаясь в пыльных стеклах магазинов и оплывших сугробах, с гигантских сосуллек, похожих на фаллосы, по нечищенному тротуару немолчно барабанила капель, и Валерий невольно обратил внимание на цвет тающих сугробов: в районе комбината они были какие-то переливчато-синие, а здесь, в центре, – здорового белого цвета.

Два джипа с московскими номерами по-прежнему красовались под окнами областного УВД. При виде Валерия один из джипов немедленно подкатился к самому входу.

– Куда едем? – осведомился Муха, запрыгивая в джип вслед за Сазаном.

– Домой к Игорю. То есть к Яне.

***

Полковник Молодарчук, начальник областного МВД, сидел в кресле, уставившись на плоскую морду телевизора. По экрану телевизора, обольстительно размахивая крылышками,

летали прокладки «Олвейз плюс», но полковник Молодарчук прокладками не возмущался. Он размышлял.

Вопреки своим официальным заявлениям насчет «руки ЦРУ» и прочая, и прочая, и прочая, полковник Молодарчук нимало не сомневался, что Игоря Нетушкина хлопнул Спиридон. Более того. Со вчерашнего дня полковник был почти уверен, что знает имя исполнителя, – и что исполнителем этим должен быть не кто иной, как все тот же почивший вчера в бозе лейтенант Лесько.

Вообще следовало признать, что за последние несколько месяцев Спиридон стремительно деградировал: из жесткого и крутого бандита он превратился в отъявленного отморозка, чьи выходы мешали жить всем, в том числе – и областному МВД, и Колуну.

Сколь–нибудь внятный диалог с ним становился невозможным: человек кушал его высокоблагородие кокаин в промышленных количествах, калечил проституток, издевался над собственной бригадой и не далее, как две недели назад чуть не насмерть подстрелил барыгу, собственноручно принесшего ему дань. Думали, что Спиридон был недоволен размерами подношения, но потом выяснилось, что Спиридонову почудилось, будто в его кабинет входит большой белый медведь...

Словом, со Спиридоном было пора кончать, пока он не примет за белого медведя эдак там губернатора области или самого Молодарчука. Разгром группировки давал бы полковнику возможность отличиться в глазах центра и, что куда важнее, – получить свою долю в ее бизнесе. Молодарчук рассчитывал, как минимум, на контроль над Северным рынком и расположенным там же автосервисным центром.

Однако этого Молодарчуку справедливо казалось совершенно недостаточно. Главной жертвой окончательно спятивший Спиридон, похоже, выбрал «Зарю», и разгром группировки сейчас означал бы, по сути, оказание бесплатной услуги провинившемуся комбинату. А так как на дворе стоял 1999 год и капитализм, то начальник областного МВД справедливо полагал, что время бесплатных услуг кончилось лет пятнадцать назад. Его условие, выставленное почти сразу после убийства Нетушкина, было простым – пусть платят пятьсот штук по трем векселям, и проблема Спиридона решается в окончательном и не подлежащем обжалованию порядке.

Но Санычев, гаденыш, вместо того, чтобы немедленно отомстить за смерть своего подчиненного принялся выкаблучиваться. «Сволочь! У него, можно сказать, приемного сына убили, а он жмотится! Бывают же скареды на свете», – подумал Молодарчук.

И все же что-то в происходящем смутно беспокоило главного областного мента. Что именно? Ведь цепочка «Спиридон – поехавшая крыша – убитый Нетушкин» просматривалась однозначно. Что еще? Что Спиридона натравил, по своему обыкновению, Колун? Это тоже понятно, причем понятно и то, что Колун решил с Спиридоном кончать. И вместо того, чтобы застрелить отморозка самому, аккуратно подставляет его под ментовский ствол...

Все?

Молодарчук пожал плечами. В тени кондиционированного кабинета, на угольно-черном столе вился терпкий дымок из чашечки свежего кофе, и в телевизоре раззевал рот губернатор, пришедший на смену прокладкам. Наверное, опять что-го обещал избирателям.

«Эк же они поругались, – со вздохом подумал Молодарчук, – еще ведь полгода назад ничего не было, Тарскую нефтехимическую корпорацию под завод собирались создавать...»

Глава 5

Возле дома Игоря, уткнувшись косой фарой в подтаивающий сугроб, негромко урчал черный «чероки» – обманчиво-грозная машина, паркетный джип, непригодный для проселочных дорог. Сквозь примороженное стекло был виден силуэт водителя: курносый парень в пуховике и клетчатой кепочке читал книжку с пестрой обложкой. При виде подъехавших джипов парень поднял голову, окинул новоприбывших внимательным взглядом и опять уткнулся в книжку. Валерий отворил калитку и прошел к дому. Рубчатые подошвы разъезжались на ледяной дорожке. Дверь Валерию открыла Виктория Львовна: ее серые, как песчаная змейка, глаза спокойно смо грели на московского бандита и на огромный букет, закупленный на привокзальном рынке.

– Это ты, Валера? Заходи. Чаю будешь?

Валерию почему-то вспомнилось, как очень давно, когда Игорю было только девять, Виктория Львовна повела его с Игорем и еще двумя ребятами в Пушкинский музей. Ребята были чистенькие и вымытые, сопровождаемые мамашей и домработницей. Валера сразу почувствовал глухую классовую ненависть и начал, по обыкновению, заводиться: по дороге в музей: лупил мальчишек грязными снежками и топал по лужам, а в музее затих и присмирел и вертел головой в созерцании незнакомых предметов и, наконец, при виде очередного экспоната дернул за платье Викторию Львовну и осведомился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.